

Глубокий поиск. Книга 1. Посвящение

Автор:

Кузнецов Иван

Глубокий поиск. Книга 1. Посвящение

Кузнецов Иван

Советские спецслужбы получают от высшего руководства страны задание обеспечить эффективное противодействие Аненербе, могущественной идеологически-окультурной организации фашистской Германии. В связи с этим формируется особое сверхсекретное подразделение, с целью изучения возможности ментального воздействия на людей, в том числе в области сверхчувственного. В самом начале войны девочка попадает в спецподразделение. Теперь у нее нет семьи, нет дома, нет даже имени, данного родителями. Она получила другое имя – Таисия. Тая, тайная, таинственная, она на войне, и на этой войне ей предназначена совершенно особая миссия и судьба.

Кузнецов Иван

Глубокий поиск. Кн. 1. Посвящение

© И. Кузнецов, 2020

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2020

© «Центрполиграф», 2020

* * *

И между сабель и сапог,
До стремени не доставая,
Внизу, как тихий василек,
Бродила девочка чужая.

К. Симонов

Через двадцать лет

Часть первая. Москва

После спасительных дождей, ливших почти всю дорогу – от самого Ленинграда – и названных кем-то в вагоне «антифашистскими» за то, что уберегли нас от воздушных налётов, Москва встретила прибывший состав неожиданно солнечным утром.

Прямо у вагона – едва сошли – мать уверенно окликнул сквозь толпу по имени-отчеству немолодой мужчина среднего роста в дорогом костюме...

В Ленинграде у нас одна женщина из соседней квартиры была портнихой. Она ходила к Аглае Марковне на спиритические сеансы. Я помогала ей со стиркой, а портниха за это научила меня шить на машинке и разбираться в тканях и модных фасонах, и ещё сшила мне кое-что из обрезков...

Мужчина показал матери в развёрнутом виде документ с красной корочкой и представился устно:

– Бродов Николай Иванович.

Ого! Это тот самый человек, который подписал для матери вызов в Москву, чтобы её сразу отпустили с завода! Именно к товарищу Бродову направила меня Аглая Марковна. Надо же, не помощника послал, а лично приехал!

Они с матерью пожали руки, и мать скорее подхватила чемодан, за который боялась, а Николай Иванович обратился ко мне, коротко улыбнувшись:

- Ты же Таисия?

Я подтвердила и, поставив на платформу свой багаж – небольшой плетёный короб, по примеру матери протянула ему руку...

Если уж быть точной до конца, надо отметить, что тогда меня звали по-другому. Как – теперь вовсе не важно. Все операторы носили новые имена. Девчонки-медички как-то в доверительном разговоре клялись, что мы знаем их под настоящими именами, но полной уверенности в этом у меня не осталось. Лично мне новое имя понравилось. Товарищ Бродов выбирал в моём присутствии из списка. «Таисия. Пойдёт?» Обращался он к Михаилу Марковичу, своему ближайшему помощнику, однако, не дав тому ответить, повернулся ко мне: «Тая, Таисия... Тайная, таинственная... Как тебе?» – «Можно», – смущённо выдавила я, плохо ориентируясь, зачем мне это новое имя понадобится.

Однако то происходило немного позже. Чтобы не запутаться, пойду-ка я лучше последовательно по всем событиям...

Его узкая ладонь была сухой и тёплой, рукопожатие – твёрдым. Во время нашего короткого диалога товарищ Бродов, не скрывая интереса, внимательно смотрел мне в лицо.

Потом он повёл нас сквозь толпу, валившую с разных сторон, попросив не отставать и не теряться. Поездов стояло много, не разберёшься, какие только прибыли, какие ждут очереди на отправку. Там и тут пролетали плотные клубы паровозного дыма. Пассажиры, которые ехали транзитом, толпились на перронах, где не было перекрыто решётками, и в здании вокзала: они же не имели московских пропусков. Многие метались, пытаюсь понять, куда им теперь деваться и как попасть на нужный поезд. Люди искали, как бы разжиться водой и где достать поесть...

Когда отъезжали из Ленинграда, толпа была ещё более суматошной и напряжённой. У дальнего перрона грузили санитарный эшелон. За головами и спинами, среди клубов чёрного дыма, я мало что видела, но и от того, что разглядела, мороз продрал: столько калечных, кровавые повязки, искажённые

страданием лица. Зрелище притягивало взгляд помимо воли. Когда мы уже ехали и уже миновали Бологое – самую опасную часть пути, я всё боялась уснуть: как бы не пришли ко мне во сне тяжелораненые. И с замиранием сердца ждала, что на вокзале в Москве снова будет стоять санитарный эшелон – быть может, тот же самый. Не случилось, и я, как ни совестно сознаться, вздохнула с облегчением.

Кое-кто из прибывших пытался выяснить, как и где можно всё-таки получить пропуск. Почему-то далеко не все знали, что Москва, находившаяся уже больше месяца на военном положении, закрыта. Счастливики, у которых пропуска имелись, стояли в длинных очередях. Молодые военные в фуражках с синим верхом внимательно и подолгу изучали каждый предъявленный документ, лицо предъявителя, багаж.

Наш товарищ Бродов решительно провёл нас мимо всех очередей к проходу в ограждении. Наши пропуска были у него. Он показал высокому плечистому военному свою красную «корочку». Тот вытянулся и козырнул, затем быстро и формально пролистал остальные бумаги. Мы с матерью, как барыни, прошествовали мимо всех, ожидавших очереди на проверку документов. На площади нас ждал ещё один сюрприз: просторный чёрный автомобиль. За рулём – шофёр в военной форме. Он хотел выскочить из машины при появлении товарища Бродова, но тот жестом остановил его, открыл нам дверцу у заднего сиденья, а сам сел впереди.

– Владимир, мы ведь поедem Охотным Рядом? Мимо Кремля помедленнее, хорошо? Дальше на Арбат и... ну, вы знаете. – Николай Иванович живо обернулся к нам: – Мы будем ехать по самому центру Москвы. Так что смотрите, сравнивайте с Ленинградом.

Я прямо чувствовала, как нравится матери вся ситуация в целом и товарищ Бродов – в особенности. Персональное внимание крупного начальника тешило её врождённую гордость...

Бабушка порой беззлобно подтрунивала над ней: «И как ты у меня получилась такая пыня?! Не нашей ты породы, не деревенская, а прямо барыня». Мать отвечала так же весело, нарочито лукаво прищурившись: «Вам уж виднее, в кого я такая!» – «Ах ты, бесстыдница! Что матери говоришь! Да при ребёнке!» И бабушка шутливо, не сильно шлёпала мать скрученным полотенцем по спине. Это редкие были минуты, когда мать, забыв заботы, веселилась от души.

Бабушка – та часто шутила, смеялась...

В товарище Бродове ощущалась внутренняя сила, но такая сдержанная, воспитанная. Ненарочитая властность товарища Бродова, конечно, поразила воображение матери. Я тоже потихонечку к нему пригляделась.

Есть люди, про которых можно сказать: «некрасивый», «не симпатичный». Про Николая Ивановича так не скажешь. Внешне он был просто, что называется, «неинтересный». Даже первоклассный костюм, делавший его, безусловно, импозантнее, не придавал его внешности хоть какого-то шарма...

Что я так привязалась к одежде? Да просто неожиданно, что он оказался в штатском. Мы же с матерью читали подпись под вызовом: там было указано звание...

Николай Иванович крайне скупно улыбался, а большей частью хранил строгое выражение лица. Он был по-военному коротко стрижен и гладко выбрит. Чудно, по моим понятиям, смотрелся начальник без усов. Даже мой отец, простой человек, носил аккуратно подстриженные, в виде прямоугольной щёточки усы...

Отец воевал с немцами в той, первой, войне, был отравлен газами и, сколько помню, всё время хворал: у него была слабая грудь. Но он следил за собой, был всегда одет в недраное, аккуратно подстрижен. Высокий, худощавый, он и лицом вышел. Мать говаривала, если честно, не без сожаления: «Я с лица собиралась воду пить, когда замуж шла». Она намаялась с ним, конечно, с хворым: сколько мужицкой работы ей досталось, и трудодни одна зарабатывала. Но я крепко любила отца, и он – меня. Он был добрым и, когда не болел, весёлым... Вот снова я отвлеклась. Всё. Последний раз.

В общем, дежурные на выходе из вокзала произвели на меня куда большее впечатление: симпатичные, молодые, ладные, косая сажень, да плюс форма – так бы и любовалась. Но я, понятно, помалкивала и во все глаза смотрела в окна автомобиля – на Москву.

– Легко вас отпустили с завода? – поинтересовался товарищ Бродов, вновь обратившись к матери.

– Спасибо вам, легко! – сдержанно ответила мать.

Не то, что мне рассказывала, как начальник отдела кадров присвистнул, прочтя вызов и подпись под ним, и как глянул на неё «глазами бешеной коровы». То-то я хохотала! Мы с матерью толком не поняли, в чём заключалась волшебная сила этой подписи. Звание у товарища Бродова вроде бы не такое уж звучное: «майор», должность невразумительная: начальник какой-то особой группы СВТО. Должно быть, слова «государственной безопасности» и печать НКВД так впечатляли каждого, кто читал бумагу.

Впоследствии новые подружки в Лаборатории разъяснили мне, что звание у товарища Бродова довольно высокое. Но они приводили мне для сравнения другие какие-то звания, масштаба которых я тоже не понимала.

Сразу же мать отправилась на эвакупункт, где чудодейственное письмо помогло получить место в эшелоне, отбывавшем в тот же день по Октябрьской дороге, то есть напрямиком на Москву. Предупредили: дорога опасна, сильно бомбят станции, в Бологом – это на полпути – уже несколько раз случались крупные заторы из-за бомбёжек. Но если мать приняла решение, то назад уже никогда не поворачивала.

– Вам нравилась работа? – не отставал Николай Иванович.

Мать замялась, не понимая, какого ответа от неё ждут.

– Скажите как есть. Мы сейчас подбираем для вас новую работу. Полезно бы знать ваши предпочтения.

Мать сделала вид, будто ни капельки не удивилась. Она кивнула и решительно заявила:

– Очень нравилась работа! Только уж очень тяжёлые заготовки. По молодости я и не такие тяжести пулила, но теперь...

Она многозначительно замолчала. Умеет мать так вот многозначительно недоговаривать. Есть и в этой манере нечто барское: догадывайтесь, мол, сами, что я имела в виду. Я так разговаривать, как она, совсем не умею: леплю всё, что в голове накопилось, – никакой игры, никакого интереса.

Утреннее солнце окрашивало фасады домов в тёплые оттенки. Надо же, прямо как в песне поётся: «Утро красит нежным цветом»!

Будто монеткой по стеклу, скрежетнуло по сердцу: разбомблённый дом! Вон там ещё. Вокруг свежих руин суетились люди и грузовые машины. Развалины другого дома были уже почти убраны.

– Москву стараются быстро расчищать от завалов, – опять обернулся к нам Николай Иванович, – чтобы не так резало по сердцу. Понимаем? А как в Ленинграде? – спросил он с искренним интересом.

– Были налёты и ночью, и днём, но самолётов не много прорвалось: отбили, – сказала мать. – Так и не особенно заметно, где что напакостили.

Тут наш автомобиль, проехав по дуге, покотил по какой-то короткой, широкой улице резко под уклон, и перед нами открылась просторная площадь. Асфальт кое-где раскрашен разноцветными пятнами, посередине – снят, и в неглубокую яму установлены зенитные орудия. На них я и в Ленинграде насмотрелась. Ещё дальше, за зенитками, происходило что-то необыкновенное. Там виднелся огромный чёрный силуэт самолёта, и его опоясывала по широченному периметру исполинских размеров очередь. Люди продвигались достаточно быстро, и лишь у самого самолёта движение очереди замедлялось.

– Я и забыл! – качнул головой товарищ. – Владимир, помедленнее, пожалуйста! – Он снова вполоборота развернулся к нам. – Это «юнкерс», его сбили на подлёте к городу и вот привезли показать москвичам.

Мы уже медленно катили мимо очереди, и я всю вытягивала шею, чтобы разглядеть получше возвышавшийся над спинами и головами заинтересованных граждан вражеский самолёт. По моему лицу наверняка можно было легко прочесть, как я хочу выскочить из машины и присоединиться к организованным в громадную очередь зевакам. На мать я не оборачивалась, боясь оторваться хоть на секунду от зрелища за окном. Она, думаю, справилась со своим любопытством так, что его было и не заметить: она умеет.

– Сейчас времени нет: нужно скорее вас разместить, меня ждут дела, – тоном, не предполагавшим возражений, сообщил товарищ Бродов, будто отвечая на мою молчаливую гримасу. – Но позже вы обязательно сюда вернётесь, чтобы подойти

к самолёту. Хорошо? Он простоит не меньше недели.

Тут из-за громоздкого серого здания показались башни Кремля, и наше внимание всецело переключилось на них. Я с замиранием сердца ждала: вот сейчас увижу рубиновые звёзды! Но ни на одной башне ни единой звезды так и не разглядела. Более того, башни были размалёваны какими-то тусклыми, разноцветными пятнами, на стенах – грубые изображения многоэтажных домов. Однако стоило немного привыкнуть, и очертания Кремля проступили отчётливо, и стало видно, какой он цельный и могучий. Крупное здание впереди по ходу движения я вначале приняла за два небольших особняка.

– Маскировка, – коротко бросил Николай Иванович через плечо.

Позже, когда позади остались длинная улица с невероятной красоты затейливым дворцом, густо покрытым каменной резьбой, – больше я ничего толком не успела разглядеть, поскольку ехали быстро, – и просторная площадь, а наш автомобиль приняла в свои объятия новая улица, товарищ Бродов сказал, что мы на Арбате. Мне прежде не раз приводилось слышать это название, и я привыкла считать Арбат одной из главных улиц Москвы – соответственно, просторной и торжественной, наподобие Невского проспекта. Но улица оказалась неширокой, с небольшими разномастными домами и в целом уютной на вид. Автомобиль свернул налево, в переулки, ещё поворот-другой – и мы приехали.

– Николай Иванович, девочка вышла из дому. Подошла к прохожему, прохожий махнул рукой...

Куницын рапортовал торопливо, скороговоркой, но не захлёбывался, не сглатывал слова, как раньше. Молодцы девчонки: хорошо поработали. Главное дело, два сеанса – и всё, Куницына не узнать – другой человек: собранный, чёткий. Мысль об этом скользнула по краю сознания – согревающая, как солнечный луч, но совсем не главная сейчас. Бродов внимательно слушал рапорт и мысленно ещё сильнее торопил оперативника. То, что девочка спросила у случайного встречного дорогу до булочной, а тот показал, махнув рукой, и она зашла и скоро вышла с булочкой, осмотрительно придерживая оставшиеся карточки и деньги в кармане растянутой материнной кофты, – эти подробности вообще не важны, но не Куницыну решать, что важно, а что нет.

– В настоящий момент движется по Гоголевскому бульвару в сторону Пречистенских... То есть Дворца Советов.

Вот это интуиция! Похоже, Аглая Марковна не преувеличила, когда пообещала Бродову прислать маленький бриллиантик. Перспективная девочка. Прослушка уже показала, что ребёнок, едва войдя в квартиру, ощутил там смертную тоску. Ещё бы! Не один и не двое обречённых побывали в этих тихих стенах. Девочка беспричинно плакала, и мать отправила её погулять, развеяться, заодно купить немного хлеба по продталонам, щедро выданным Бродовым. Не маленькая, не заблудится! Согласно докладу Куницына, теперь, на улице, девочка отвлеклась, заметно повеселела и медлила с возвращением в неприятную квартиру. И куда же она направилась? Сюда, к Пречистенским воротам – на площадь Дворца Советов!!! Сама идёт навстречу судьбе – разве нет?

– Ясно. Синенко в машине? Быстро снимай его с наблюдения, дуйте в квартиру и действуйте по плану! – выпалил Бродов.

– Есть!

– Чтоб уехали строго до её возвращения, понял?! И до моего.

Лишнее уточнение: Куницын не идиот же. Бродов поспешно положил трубку. Поморщился. Ему тоже не резон задерживаться. Но он должен хоть как-то переварить произошедшее! Пара минут оставалась в запасе.

Вообще-то он собирался выждать время и сделать это позже, но раз уж так сложились обстоятельства – только к лучшему! Он видел девочку достаточно, чтобы безо всяких экспертов быть уверенным: подойдёт.

Ему досталось такое направление, где редко приходилось отдавать приказ на ликвидацию. Направление вообще уникальное, но не о том...

Тётка вытирает пухлым махровым полотенцем только что вымытые волосы, напевает, радуется отдельной квартире – ОТДЕЛЬНОЙ! Радуетя счастливому случаю, который привёл в Москву: у дочки открылся необыкновенный талант, пока не очень поняла какой, но таких талантливых детей собирают в Москве, обучают, дают дорогу в жизнь. А ей самой обещали хорошее трудоустройство, паёк...

Тётка, в сущности, и сама находка, талант в своём роде. Смелая, сильная. Года нет, как перебралась из деревни в Ленинград по набору, на заводе была на хорошем счету, с соседями по квартире ладила: чистоплотная, расторопная, ненавязчивая – скорее замкнутая, но и не мрачная. И вот – подвернулась возможность попасть в Москву – сомнительная такая возможность, странная – колебалась месяца три. Аглая Марковна не торопила, не нажимала – так, напомнила пару раз. Что примечательно, Аглая даже не воздействовала: боялась, как бы дочка не почувствовала давления. И что же? Тётка взвесила всё – и согласилась сама! Мало кто из ленинградцев понимает, насколько тяжёлое положение складывается вокруг города, мало кто хочет эвакуироваться, стараясь не замечать, как сжимается кольцо. Их уговаривают, по квартирам начали ходить – они ни в какую. Зря... Но для этой уговоры стали последней каплей: она не успела врать корнями в город. Решилась совсем, когда Аглая Марковна пообещала пропуск в закрытую теперь Москву.

Вот такая вера в свои силы, плюс решительность, плюс... Рисковая она баба, вот! Смелая и рискованная. Разве не талант? Разве не пошёл бы на пользу Родине?..

Не мямля, не амёба – живая, бодрая тётка...

Живой человек.

Бродов глянул на часы и, морщась ещё кривее, поднялся из-за стола. Даже если осталось время, чтобы остановить исполнителей, он не сделает этого. Ну не придумали ещё другого способа надёжно выводить из игры хорошо осведомлённого и сильно заинтересованного свидетеля. Он верил в возможности психиатров Лаборатории, а также своих особо одарённых подопечных. Но эксперименты с памятью – пока только эксперименты, а на карту будут поставлены государственные интересы. Он никому не докажет, что риск оправдан. Ни кому-то, ни самому себе.

Мать не должна догадаться до самого конца. Тогда дочь ничего не почувствует. Тогда у команды Бродова будет несколько спокойных дней или даже недель, чтобы с девочкой поработать...

С другими «школьниками» обошлось.

Женя сирота, попала к Бродову из детдома, где развлекала ребят, «предсказывая» им по пятницам ближайшее будущее – весьма удачно, – так что слава пошла. Девочке хватало ума делать это в виде весёлой игры, не напуская на себя серьёзности, а одному педагогу тоже хватило ума разглядеть подлинный талант – «для сцены», как он решил. Все же помешались на Мессинге – отличный крючок для ловли талантов!

Лидия старше всех, она училась в ФЗУ вдали от дома и до сих пор благополучно переписывается с родителями, изредка ездит к ним в гости.

Лида и Женя параллельно с работой и занятиями в Лаборатории Бродова начали учиться в школе медсестёр, а дальше – видно будет. Возможно, получат высшее медицинское образование, тогда сложится команда потрясающих специалистов: носителей феномена, способных этот феномен изучать самыми прогрессивными научными средствами. Сейчас у Бродова работают два доцента и один профессор медицины – хорошие, вдумчивые учёные, отлично разбираются в современной аппаратуре, виртуозно составляют психофармакологические препараты, но они не понимают, с чем имеют дело: никакого намёка на сверхспособности! Гораздо интереснее психиатр... В самое ближайшее время он должен осмотреть новенькую, и будем решать, что делать с её памятью о матери...

Опять приятные мысли о работе свернули в русло нынешнего непростого дня.

Ещё есть Игорь. До появления новенькой был младшим в команде: ему скоро только четырнадцать. Он – самый перспективный, страшно самолюбивый и целеустремлённый. Отец Игоря был крупным руководителем, мать – активным партработником. Оба попали в чистку ещё в тридцать пятом. Мальчика тогда, к счастью, очень оперативно определили в детдом под особый контроль, и он свято верит, что отец оказался врагом народа, а мать умерла от горя, узнав правду. Между прочим, легенда недалеко от истины: как не враг народа, если позорил советскую власть и партию, ублажая баб ресторанами да модными тряпками, и в итоге растратил крупную сумму казенных денег?! Чтобы позор скрыть, назвали его вместо сластолюбивого растратчика идейным троцкистом и шпионом – только и всего. А мать и правда умерла своей смертью – хотя в сибирской ссылке, но и в Сибири люди живут! – горя больше о разлуке с сыном и о пережитом стыде, чем о неверном муже.

Игоря Бродов вычислил сам при случайной встрече: какая-то была праздничная поездка в подшефный детдом. Или Игорь его вычислил: потому что мальчишка первым пошёл на контакт – страстно хотел попасть на работу в органы! Теперь Игорь прилежно учится и тренируется, у него есть цель: затмить самого Мессинга, которого встречал лично, с которым по своей настырности ухитрился даже пообщаться. Хотя парень знает, что роль ему назначена тихая, до поры незаметная, а слава его может навсегда остаться греметь в очень, очень узком кругу посвящённых.

Остальных операторов нечего и упоминать: все молоды, но все попали в Лабораторию взрослыми людьми, там никаких проблем с родственниками не возникло...

Бульвар с его густой зелёной тенью успокоил меня. Я там как будто выдохнула остатки мёртвого воздуха отвратительной квартиры. Я вряд ли могла бы разумно объяснить, что мне так не понравилось. Слишком высокие потолки, слишком тусклый и мертвенный жёлтый свет, затхлый воздух. Раскрой форточки, раздвинь шторы – и жизнь наладится. Не привыкать налаживать быт в чужих стенах. Зато отдельная квартира, целых две комнаты – невозможно осмыслить такую удачу! Но я хныкала в этой квартире от тоски и не могла остановить слёз. Хорошо, что мать была настроена благодушно и отпустила меня погулять!

Бульвары и скверы напоминают мне лес. Лес – это самое счастливое из детства – как мы с бабушкой ходим за ягодами, за грибами, травы собираем... Об этом не буду... На бульваре гуляли несколько женщин с малышами, попались двое-трое прохожих. Выше деревьев продренькал трамвай. Верхний вестибюль метро произвёл на меня двойственное впечатление: изящные формы, но маленький, как парковая беседка. Я ещё не отвыкла измерять строения ленинградской меркой. Ах, вот бы нырнуть вниз, в незнакомый и таинственный мир метро! Потом я прошла под аркой и увидела с самого конца бульвара площадь.

Площадь была просторная, пустая. Справа и слева – красивые и совсем небольшие дома – по два этажа, по три, в отдалении – повыше. Они не выглядели такими тяжёлыми, неприступными громадинами, как здания в Ленинграде. Наоборот, эти дома на площади казались тёплыми и – как будто в каждый можно зайти, как в деревне. В их красоте мне почудилась хрупкость и беззащитность – ведь я только утром видела результат бомбёжки.

Впереди, прямо против солнца, на другой стороне площади, за реденьким кустарником, виднелись ажурные вышки, прикрытые маскировочной сеткой, – каркас будущего Дворца Советов, строительство которого приостановила война.

Над площадью раскинулось широкое голубое небо с белыми комочками облаков – будто клочьями козьей шерсти. Ещё не высоко поднявшееся солнце светило прямо в глаза. На всей огромной площади я увидела всего несколько прохожих, проезжали редкие автомобили, поблёскивали электрические провода и трамвайные рельсы. Стояла тёплая, разморённая тишина – как на деревенской улице в летний полдень, только разве что не хватало звона кузнечиков. Сказать, что Москва отличалась от Ленинграда? Ленинград – красивый, цельный, торжественный. Москва – домашняя, пёстрая, разношёрстная, близкая и по своему тоже очень красивая. Хоть голову сломай – толком не объяснишь. Я попала в совершенно другой мир – вот как правильнее.

Москва была пуста и прекрасна... И я уже парила, тонула, растворялась в ней, уже становилась её частью. И чувствовала только радость, как будто этот город укрыл меня на время от войны и беды...

В дальнейшей жизни я имела возможность заметить такую закономерность. Если беда предопределена, то незадолго до её наступления приходит ни с того ни с сего блаженное состояние покоя и тихого счастья – будто некто погладил по голове и шепнул с любовью: «Всё хорошо. И будет хорошо. Ни о чём не беспокойся!»

Чудесная стояла на улице погода: солнечное, тихое утро, с белыми облаками, со спокойным летним теплом. В подмосковном лесу трава высохла от недавнего зноя, а густые кроны хранят умиротворяющую прохладу; деловито переговариваются птицы. Как будто войны нет в помине. Исполнители уверят женщину, что её привезли на рытьё окопов вокруг секретного объекта. Нынче все роют окопы. Но объект секретный, поэтому людей свозят тоже секретно, особо проверенных. Это не надолго: трудовая повинность всего три часа для работающих – а ведь она уже принята на хорошую работу. Какую? Разве Николай Иванович не сказал?! Стало быть, вечером сообщит: ведь она уже к вечеру окажется дома. Дочкой пока займётся Николай Иванович: познакомит её со своей спецшколой, с другими учениками. Один из мужчин сам несёт лопаты:

– Вы пока отдыхайте: воздух, грибами пахнет, а? Вот, по тропинке, прошу вас вперёд!

Ну и пулю в затылок. Бродов потратил уйму нервов, чтобы накрепко втолковать исполнителям, как важно, чтобы смерть наступила мгновенно и что он обязательно узнает, если они ошибутся, и накажет. Им же не объяснишь, как именно он узнает – учитывая, что труп они закопают прямо на месте. Хотя все те немногие непосвящённые, кто непосредственно связан с работой Школы, домысливают, будто Бродов готовит таких штампованных Мессингов...

В принципе, он мог бы ещё успеть догнать девочку на бульваре или на улице. Случайно встретить: «А я как раз шёл за тобой!» Избежать опасного момента возвращения в квартиру, выступить избавителем от необходимости туда возвращаться... Но, пожалуй, пусть лучше события для девочки развиваются рутинно и неторопливо. Вернулась, а тут её спокойно поджидает новый знакомый, он же руководитель спецшколы – Николай Иванович, а мама ушла оформляться на новую работу, вставать на учёты: военный и по новому месту проживания. Время военное, медлить с учётом нельзя, иначе ты – преступник. Ты – взрослая девочка, сама понимаешь. Мама должна успеть до конца рабочего дня.

Правда, вышло несколько иначе: он опоздал, девочка вернулась в пустую, незапертую квартиру. Спасла положение её крепкая деревенская привычка к незапертым дверям: ситуация не показалась ей слишком уж странной. Только тоска охватила с удвоенной силой.

– Пока мама занята, и тебе нечего терять время. Пойдём, будем проверять твои способности. Аглая Марковна тебя очень нахваливала. Познакомишься со своими будущими товарищами. Покажешь, что ты умеешь. Пошли!

Бродову остро претило вести девочку тем же – самым прямым и удобным – путём до Школы, который она час назад открыла сама. Час назад, когда приказ ещё не был отдан... Вышли через Чертольский переулок на Кропоткинскую улицу. Площадь, где побывала только что, девочка, конечно, узнала, и её лицо будто засияло изнутри. Она подняла глаза на своего спутника, хотела что-то сказать, но застеснялась и только улыбнулась ему. Красноречивее слов: «Я рада, что я здесь!»

Так совпало, что Николай Иванович в тот же момент почувствовал что-то вроде лёгкого удара в солнечное сплетение. И – как кругами по воде – тело и душу быстро заполнила смертная тоска. Без доклада Куницына ясно: кончено. Быстро они. Чуть-чуть не дошли!

Он ободряюще улыбнулся своей спутнице. Поднял глаза к голубому небу в белых облаках, заставил себя полюбоваться вместе с девочкой красивым вестибюлем метро: с этого ракурса он больше её впечатлил.

Переждали трамвай, пару военных автомобилей и, наконец, перешли. Бродов с облегчением нырнул в прохладный, полутёмный подъезд Школы. Сдал девочку с рук на руки тут же подвернувшейся Нине Анфилофьевне. На последнюю глянул многозначительно и жёстко: мол, не вздумай мне сейчас пугать девочку своей строгостью! Старая сексотка, похоже, и так была настроена относительно миролюбиво. Теперь Николай Иванович смог покинуть ненадолго «девчонок»: ушёл к себе отпить горячим чаем. Когда он вернётся к общению с новенькой, мысли и чувства уже должны быть в полном порядке: первый вихрь сбивчивых впечатлений у неё быстро сменится обострённой ясностью восприятия.

После яркого солнца в полутёмном вестибюле старинного особняка, где располагалась Школа-лаборатория, я практически ослепла. Тёмные шторы на высоких окнах, расположенных по сторонам от входной двери, были прикрыты, под потолком далеко вверху тускло горела лампа, света на такое просторное помещение не хватало. Под широкой и торжественной парадной лестницей, ведущей на второй этаж, царил совсем уже мрак и расползлся в обе стороны по совершенно лишённому освещению коридору. Из коридора тянуло мрачной и страшной тайной, как на спиритическом сеансе, когда ты чувствуешь, что дух вот-вот заговорит с тобой.

Я была рада, что со мной рядом находятся двое взрослых и уверенных людей: знакомый с самого приезда товарищ Бродов – главный здешний начальник – и пожилая, высоченная, костлявая женщина – Нина Анфилофьевна, которой товарищ Бродов меня и поручил. Нина Анфилофьевна имела строгий и сумрачный вид, но была полна энергии – от её руки, которой она жёстко хлопала меня по плечу, прямо веяло теплом! – и приземленно-прагматична. Так что никаким потусторонним страхам рядом с этой железной старухой не оставалось места.

Вообще говоря, я никогда не боялась темноты – ещё чего?! – и тем более не боялась духов, так как считала их выдумкой. И даже когда мы с матерью собрались и поехали из Ленинграда в Москву сквозь охваченную войной страну, потому что у меня был обнаружен некий талант, крайне редкий и очень нужный, я не задумывалась, в чём он заключается.

Что с того, что к товарищу Бродову направила меня Аглая Марковна, с которой я и встречалась-то только на «спиритических сеансах»? Эту невинную забаву она раз в неделю, а то и чаще устраивала у себя для соседок-кумушек, подружек да знакомых. Добрые женщины и девчонок вроде меня не гнали подальше от стола со свечой и блюдцем. Порой очень серьёзные на вид мужчины заглядывали к Аглае Марковне на огонёк: развеяться от забот и развлечься игрой в спиритизм. Я часто выступала на её «сеансах» как «проводник», то есть как бы разговаривала с «духом». Так что же с того, что мы с ней только через посредство этих «духов» и общались?

Аглая Марковна – образованная, много знающая женщина, вдова комбрига. Стало быть, нашла во мне что-то особенное, чего мы с матерью, необразованные, не можем понять. Может, я интересно говорю? Мне приводилось слышать, что людей из глубинки, интересно говорящих «по-народному», специально разыскивают учёные и записывают за ними всё, что те скажут. Хотя вообще-то я переимчивая и за год жизни в Ленинграде более или менее освоила городские манеры, старалась говорить как городские. К лету во мне уже мало кто распознавал недавнюю «деревенщину». Тем более что мне повезло вращаться в среде образованных и интеллигентных людей. Так что насчёт самобытной речи – вряд ли...

Откровенно: теперь я и вовсе не вспомню, как мы разговаривали в деревне. Никаких особенностей тогдашней речи в памяти не осталось. Ведь тогда сравнить было не с чем. Ничто не воспринималось как особенное – всё было нормой жизни. Впоследствии я освоила ещё целый ряд разнообразных языков – и со словами, и вовсе без слов. Есть у меня некое усреднённое представление о стиле речи человека из глубинки, почерпнутое из книг, из кино. Оно напрочь перебило живую память, к тому же изрядно покалеченную опасными экспериментами моих старших товарищей и коллег. Так что вряд ли я смогу вернуться к истоку. И нужно ли? Будет новая жизнь и новая речь...

Кто сочиняет сказки ещё – за теми тоже записывают. А я хорошо за духов сочиняю. Сама увлекаюсь, да и забываю, что всё это – выдумки.

Мать, пока ехали, всё прикидывала, что за талант во мне углядели. Она прежде спрашивала Аглаю Марковну, но та то ли уворачивалась от прямого ответа, то ли отвечала слишком умно и непонятно. Мне же самой, как на смех, про талант вовсе было не интересно, а занимало все мои мысли, что совсем скоро я увижу собственными глазами звёзды на башнях Кремля, встану под самой Кремлёвской стеной, потрогаю кирпичи и буду, задрав голову, смотреть прямо вверх, чтобы всем своим существом прочувствовать, какая она огромная и неприступная. Я не знала тогда, что увидеть рубиновые звёзды приведётся ещё очень не скоро.

И вот – я полдня в Москве. Я уже увидела – пусть из окна автомобиля, но близко и своими глазами – Кремль. Уже потоптала ногами мостовые самого центра столицы. Вошла уже во второе здание в Москве. Третье, если считать булочную. А то и четвёртое, если учесть ещё вокзал. Я – в стенах Школы-лаборатории. Теперь поздно и бесполезно отворачиваться от правды. Но как возможно её принять и осмыслить?! От того-то и тянет жутью из таинственной черноты коридора. От того, что со мной происходит невозможное.

Я – советский человек, убеждённая атеистка, несмотря на всю любовь и уважение к моей верующей бабушке. Я могу увлечённо играть во всякую чепуху, вроде общения с духами, но это не значит, что я по-настоящему верю в их существование. А товарищ Бродов – серьёзный начальник и, скорее всего, коммунист – выходит, верит?! Хуже того. Раз он вызвал нас официально, да такой действенной бумагой, значит, он верит в спиритизм не сам от себя, а как должностное лицо?

От открытия, неизвестно что теперь предвещавшего, меня бросило в озноб. А Нина Анфилофьевна уже увлекала меня вслед за собой по широким мраморным ступеням наверх, на второй этаж. И вот, мы не прошли и половины лестницы, как моё настроение стало меняться. В мир вернулся свет: на втором этаже все гардины на окнах были раздвинуты. Тёмно-синие гардины, подсвеченные солнцем, отбрасывали внутрь помещений голубоватую дымку. Полы покрыты сплошным тёмно-синим ковром, двери комнат – высокие, солидные, тёмно-дубовые, и дубовые панели на стенах. Сразу создаётся ощущение покоя, тишины, неспешного течения времени. Только за окнами приглушённо, нежно, как колокольчики, позвякивали трамваи.

Меня вкусно накормили в столовой Школы, подвели к паре-тройке девчонок постарше, сказав, что мне предстоит с ними вместе учиться. А дальше целый день какие-то серьёзные дядьки меня расспрашивали, давали задания. Я, ошарашенная вихрем событий, ничего толком не осмыслила и не запомнила, кроме того, что мои утренние догадки подтвердились: тут все поголовно не только верили в невозможное, но и считали любые потусторонние явления делом вполне естественным и обыденным.

Самой первой ночью, проведённой в стенах Лаборатории, я случайно подслушала разговор, который буквально заворожил меня своей ненарочитой таинственностью и вместе с тем заставил меня сразу поверить в серьёзность и реальность всего происходившего. Каждое слово врезалось в память, и впоследствии я постепенно, в течение долгих недель раскрывала для себя смысл услышанных той первой ночью обрывков фраз.

Ясный, солнечный день сменился такой же ясной, звёздной ночью. Над городом, не зажигавшим огней, звёзды сверкали, как над деревенской улицей. Уже часов в десять вечера завывали сирены воздушной тревоги, и меня отвели в каменный подвал особняка, который служил бомбоубежищем для сотрудников и учащихся Школы-лаборатории. Массивные каменные своды создавали впечатление надёжного укрытия, а оборудован подвал был весьма комфортно, со всеми городскими удобствами. Была общая комната отдыха – там ночью прикорнули мужчины, и отдельное помещение – женская комнатка-спальня.

Вот я заодно и познакомилась с девушками, с которыми предстояло бок о бок работать и учиться. Именно так: я с ними познакомилась, так как узнала их имена. Сама же я не имела возможности им представиться: мне запретили называть себя. Девушки отнеслись с пониманием: видно, и сами прошли через этот этап безымянного топтания на пороге мира, полного чудес.

Был тяжёлый, длительный налёт... Точнее, это тогда он казался нам тяжёлым и страшным. В сентябре – октябре прежние, летние, налёты стали вспоминаться как разминка... Лёжа на трёхэтажных деревянных настилах в уютной комнатёнке, мы с девушками прислушивались к глухим раскатам зенитных залпов. Иногда вверху еле слышно, похоже на дождь, по мостовой барабанили осколки. Когда падала бомба, от разрыва шёл не только гул, но и вибрация – более даже заметная, чем звуки, поскольку наш каменный подвал хорошо глушил их. И вдруг – жуткий, нарастающий вой. «Сбили», – прошептала самая догадливая из нас. Звук мощного взрыва подтвердил догадку. За отбоем

следовал опять сигнал воздушной тревоги, и снова, и снова.

Разговоров никто не заводил, чтобы не мешать девушкам, посменно дежурившим всю ночь: им требовалось выспаться, несмотря на сирены и бомбёжки. Я ещё не знала тогда, в чём заключается их работа, но заметила, как предупредительно относились к ним остальные. Дежурным «операторам» – так их называли – на сон отводилось всего два-три часа. Под неровное биение оружейных залпов и бомбовых разрывов нас постепенно сморило. Девушки, особенно «операторы», одна за другой начинали размеренно посапывать, у меня тоже приятно мутилось в голове от подступавшего сна.

Еле слышный шёпот у изголовья вернул меня в бодрствующее состояние:

– Николай Иванович здесь?

– Нет, наверху, как обычно.

– Опасно там, наверху...

На соседней полке головой в мою сторону лежала девушка лет семнадцати – восемнадцати по имени Лида. Нас разделял всего десяток сантиметров. Женя – девчонка помладше, хотя на вид очень взрослая – присела на корточки около подружки. Они перешёптывались.

– Что он тебя вечером вызывал?

– Как обычно в ясную погоду: прогноз по налёту.

– Получилось?

– В целом совпало, но не всё. Ещё завтра сравним, когда Николаю Ивановичу придёт сводка попаданий и разрушений. Меня кое-что сбило...

Дальше она заговорила ещё тише – одними губами прямо в ухо собеседнице, и я разобрала не полностью.

– ...Не сказал... Я сама... Руки направила – мне пальцы бьёт! Спросила прямо... Да... Такого... ещё ни разу... Еле справилась, уже думала тебя звать. Посканируй, как сейчас, а то я в этом подвале как слепая.

– Сейчас порядок.

– Такой страшный налёт... Одно дело – предвидеть, но, когда происходит – совсем другое! Защиты крепко держатся?

– Наши работают что надо! Ладно, ложись, а то всех перебудим.

Подслушанный разговор так и манил. Девчонки были простые, живые, весёлые, доброжелательные. Мне очень захотелось познакомиться с ними поближе и досконально изучить то, чем они тут занимаются. И пусть всё, что сейчас звучит так загадочно, станет для меня обыденным и простым!

Около четырёх лет назад Николай Иванович принял в своё подчинение остатки разгромленной лаборатории Барченко: пяток перепуганных специалистов, документацию и материалы исследований, оборудование, препараты. Вникнув, он сразу предложил упорядочить исследования по нейроэнергетике, распределив по трём направлениям, каждое – с самостоятельным содержанием деятельности, методами и выходами на практику. Условно Бродов обозначил их так: «Психологическое воздействие на массы», «Индивидуальные и массовые психотропные воздействия (посредством химических веществ, физических полей и излучений)», «Феномены сверхпсихического (нейро- и психоэнергетика, мистицизм, шаманизм) в боевом применении».

Придя буквально с расписанными наскоро от руки предложениями к Главному Куратору, он вышел руководителем подразделения, объединявшего все три направления, и одновременно – непосредственным начальником третьего из направлений – своей Школы-лаборатории. Только психофармакологию у него забрали полностью: давно существовала отдельная лаборатория, которая этим занималась.

На то в целом и рассчитывал. Держать под единоличной властью все три направления, искусственно их перемешав для отвода глаз, – означало бы разделить со временем судьбу Глеба Бокия.

Было ещё одно родственное направление – историческая эзотерика: старинные рукописи мистического содержания, древние артефакты, пророчества средневековых алхимиков. На заре туманной юности Бродов увлекался – кустарно, по-мальчишески – розысками старинных рукописей и эзотерических артефактов, однако верно говорят, что не войти в одну реку дважды. Представляя в Кремле свой план создания лабораторий, он этого направления даже не упомянул. Этим направлением занималось другое подразделение. Бродова коробило, что там работа не выстроена чётко – ни структурно, ни методологически. Но отбирать чужое он не привык. Пусть кто взялся, те и занимаются. Будем с ними сотрудничать по мере необходимости.

Три вновь созданные лаборатории не вошли в состав четвёртого спецотдела – отдела лабораторий – и были объединены в особую группу под командованием Бродова. Формально особая группа оказалась подчинена Главному управлению государственной безопасности НКВД в качестве самостоятельной структуры. На самом же деле, Бродова взялся курировать лично Главный Куратор всей Страны Советов...

Вникая четыре года подряд самым внимательным образом в деятельность своих «нейроэнергетов», можно сказать, живя с ними бок о бок, Николай Иванович пришёл к выводу: не только речь свою и поступки, но и мысли, и даже чувства следует контролировать и кое-что тщательно шифровать. Так, некоторых имён лучше не называть даже про себя, а заменять на корректные, эмоционально нейтральные прозвища или безликие наименования должностей. Причина проста: есть имена и фамилии, так сильно и специфично энергетически заряженные, что любой умеющий «слышать» мысли «услышит» и может заинтересоваться. И начнёт этот профессионал сканировать мысли товарища Бродова на интересующую тему, да так умело, что тот и не заметит. Последствия непредсказуемы. Но можно сформулировать и по-другому: последствия предсказать не трудно...

Официальное название одной из трёх лабораторий – той, что Бродов возглавил лично и непосредственно, – существовало только для совершенно секретных документов и бумаг с грифом «особой важности»: «Экспериментальная Школа-лаборатория нейроэнергетической разведки и контрразведки». Неофициально в крайне узком кругу посвящённых говорили коротко и ронично: «Оккультная разведка». Ведь направлена главным образом против немцев, а у тех в ходу термин «оккультизм». В дополнение к неофициальной версии сама собой сложилась столь же неофициальная аббревиатура: ВОРК – Внешняя оккультная

разведка и контрразведка.

Официальное же несекретное наименование полностью скрывало суть деятельности подразделения: «Служба вспомогательного технического обеспечения (СВТО)». Этот шедевр конспирации был обязан своим рождением тому реальному факту, что ещё Барченко с Бокием натащили в лабораторию огромное количество новейшей на тот момент исследовательской аппаратуры из arsenалов врачей, биологов, нейрофизиологов, физиков и химиков, фотографов и кинематографистов, оптиков, радиотехников и хорошо, если не раскулачили заодно геологов с астрономами. Громоздкая техника была предназначена, с одной стороны, для фиксации разнообразных параметров жизнедеятельности живого существа, с другой стороны, для создания особых условий этой самой жизнедеятельности, большей частью – различных излучений и силовых полей.

Кадры Бродов набирал практически заново, поскольку старый состав Лаборатории был почти весь репрессирован.

Вся особая группа лабораторий Бродова укомплектовывалась учёными, а в Лабораторию ВОРК большей частью набирали сотрудников с особыми способностями: к ясновидению, к телепатии, к сверхчувственному воздействию на людей и предметы и прочее в том же духе. По традиции, заведённой предшественниками, называли всё это нейроэнергетикой, чтобы не запутаться.

Подбирали кадры среди инструкторов отрядов особого назначения, владевших техниками восточных единоборств, среди полузадушенной интеллигенции, прежде увлекавшейся восточной философией и медитативными практиками – поклонников Рериха и Блаватской, йоги и буддизма, среди сибирских шаманов, среди любителей невинных домашних игр в гадания и спиритические сеансы. Пользовались и данными старой обширной картотеки, и новый поиск вели активно.

Сотрудники с особыми способностями обучали друг друга, постепенно становясь более универсальными специалистами. Обучали молодёжь: совсем не для красоты в секретном названии присутствовало слово «Школа».

Особое внимание уделялось поиску детей со сверхспособностями. Это направление Николаю Ивановичу очень нравилось, и Главный Куратор его одобрил, посчитал весьма перспективным. Пока дело новое, не изученное, ввели

возрастное ограничение. Бывшие педологи, прижившиеся в Лаборатории психотропных воздействий, рекомендовали Бродову пока не обучать способных малышей, а только организовать за ними постоянный аккуратный присмотр, начать же обучение с подростков. Такой порядок и установили.

Приняв командование, Бродов полностью переориентировал содержание всей исследовательской деятельности.

При прежнем руководстве в Лаборатории перебивало множество живых существ – от крыс до обезьян. В качестве подопытных также использовали людей. Не добровольно, поскольку излучения и поля создавались мощные и любому живому существу несли сильные страдания, а то и гибель. Между тем результаты исследований не произвели впечатления – ни на Бродова, ни на учёных, которым он поручил ознакомиться с материалами.

Первое, что сделали набранные заново специалисты нейроэнергетического профиля, – приступили к чистке помещений Лаборатории, особенно комнат с аппаратурой, от тяжёлой энергетики погибели, страданий и страха, густо там застоявшейся. Чистили долго, тщательно, и было очень ощутимо, насколько легче становится в здании дышать, насколько приятнее там находиться.

Сильные воздействия излучений и полей заменили ультраслабыми, чтобы попробовать с их помощью открыть у самых обыкновенных людей сверхспособности – «пробудить» нейроэнергетический потенциал. Не осталась в стороне и Лаборатория психотропных воздействий, которая, к слову, разместилась в задней части здания, имела отдельный вход со двора и «эзотериков» не тревожила. Товарищам выделили время для опытов, обязав их также работать только с ультраслабыми излучениями.

В результате в области психотропных воздействий всего за пару-тройку лет существенно продвинулись вперёд, а вот для нейроэнергетики становилась всё более очевидной бесперспективность данного направления: никакое внешнее вмешательство в психику не помогало развитию способностей, а людям, уже нейроэнергетически одарённым, только мешало. Когда аппаратура воздействия бывала включена в здании, срывались сеансы телепатии, ясновидения и прочие нейроэнергетические эксперименты. Пришлось организовать деятельность посменно: учёные выключают технику – «нейроэнергеты» начинают действовать силой мысли. Так и балансировали до самого начала войны. Впрочем, в экспериментах учёных «нейроэнергеты» тоже принимали участие. Куда ж они

денутся: феномен-то надо изучать!

С началом войны Бродов радикально переструктурировал деятельность лаборатории ВОРК. Вместо экспериментов и творческих поисков, все сотрудники со сверхспособностями приступили к выполнению тех самых боевых задач, ради которых была создана Лаборатория. Часть вошла в группу слежения, которая контролировала и отбивала вражеские энергетические атаки. Эти сотрудники получили кодовое название «операторы». Другая часть составила костяк сверхсекретного отряда защиты. Бойцы отряда получили воинские звания, покинули Гоголевский, и их деятельность в Лаборатории не обсуждалась. Третья часть продолжала готовиться. Им назначена особая роль. Условное наименование группы – «операторы поиска».

Группа операторов слежения работала круглосуточно, поэтому Лабораторию психотропных воздействий вместе с большей частью аппаратуры, которая ещё не успела устареть, недавно перевели в другое помещение, чтобы не мешали. Особняк на Гоголевском заметно опустел, но жизнь в нём была напряжённым военным ритмом.

Несмотря на перемены, Николай Иванович продолжал, как в мирное время, регулярно собирать комиссию, состоящую из учёных и специалистов по разведке и контрразведке, для интенсивного творческого поиска: для каких целей и каким образом использовать уникальный дар каждого конкретного сотрудника и как наиболее эффективно применять универсальные нейроэнергетические способности.

Ещё комиссии собирались по поводу отбора новых кадров.

Новенькая сразу попала в осторожные руки специалистов такой комиссии.

* * *

В первые дни, проведённые в Школе-лаборатории, я мысленно часто-часто благодарила соседей по ленинградской коммунальной квартире. Если бы они не учили меня целый год так старательно, если бы не дали мне, фактически, полноценного начального образования, я не прошла бы ни единого испытания, предложенного сотрудниками товарища Бродова. Эти испытания назывались

«тестами». Мне давали задания и на счёт, и нарисовать что-то, и ответить письменно на вопросы анкеты, и найти решение логической задачи. Вот стыдоба вышла бы, если б я сказала: я, мол, неграмотная, ни считать, ни читать не умею...

Так уж сложилось, что в школу я ходила от силы месяца три, да и то через пень-колоду. Школа находилась в большом селе – там же, где правление колхоза. Наша деревня – тоже не маленькая, но детей в двадцатых народилось мало, школа не полагалась. От нас идти до центральной усадьбы по прямой через поля – версты четыре. В распутицу полевыми дорогами не пройти, а в обход вдвое дальше. В дождь меня никто из дому не гнал, да я и сама понимала: не дойду. А осень стояла, и дождей становилось всё больше. Потом подморозило; я к тому моменту доносила старые материны ботинки до того, что они каши запросили. Отец чинил несколько раз, но ботинки вновь расползались. Другой обуви родители не могли мне купить. Оставались в запасе валенки: куда зимой без них? Но никто не желал, чтобы я стёрла и их на длинной ежедневной дороге до школы и обратно. В школу мне, пожалуй, хотелось. Однако, когда прошла очередная непогода, и я собирала котомку, чтобы двинуться в путь, бабушка сказала матери:

– Что проку от этих её хождений? Так ходить – и букв не заучишь. Путь опасный, уже волки по морозу рыщут. Тебе уж так нужно, чтобы она эту грамоту выучила?

– Хорошо бы быть грамотной, время такое, все учатся, – с сомнением ответила мать.

– Бог даст, выучит буквы и без школы, как ты. А то как бы мы дитё не потеряли, – сказала бабушка просто.

И мать сдалась. Больше меня в школу уже не пустили.

Бабушка как будто чувствовала, что я ей скоро понадобится. Она тяжело заболела той зимой. Слегла и не вставала. Почки она застудила. Студёная была зима. Все смирились, что она уж не встанет и помрёт к весне. Я ухаживала за ней. Поселилась в её махоньком, чистом домике на другом краю деревни, не отходила от неё полгода: и по хозяйству всё делала, и травки заваривала, и на ведро её таскала на себе. Мне всё, что для бабушки делала, было не в тягость, легко даже. Это ж не таблицу умножения зубрить! Бабушка встала на ноги, а к

концу лета совсем окрепла.

Я не догадывалась, конечно, а специалисты из Лаборатории, узнав эту историю, твёрдо заверили, что я не просто ходила за бабушкой, а лечила её с помощью нейроэнергетики. «Как же так, рук не прикладывая, не прищёпывая всяких заговоров?» – удивилась я, и специалисты ответили: «Одним своим присутствием. Ты сильная, тебе и рук не надо поднимать, и заговоров читать...»

В деревне я хотела вступить в пионеры. О пионерской организации рассказывала учительница в школе, куда я недолго ходила. Пионеры собираются вместе и помогают слабым, старикам; у пионеров взаимовыручка и крепкая дружба. Рассказывали ребята в классе, как их друзья постарше ездили в пионерлагерь, и как там было интересно: утренние построения, походы, вечерние костры, игры – городки, лапта и другие, о которых мы понятия не имели. В райцентре встречались ребята и девчонки в красных галстуках. Красиво и торжественно! Наш местный агитатор, неприятный, правда, типчик, говорил, что пионерия помогает самой партии.

Мать сказала: «Сиди пока, без тебя, сопливой, разберутся!» Отец спросил: «А ты сама знакома хоть с одним пионером?» Откуда? Ни в нашу деревню, ни в соседние организация пока не пришла: детей мало. «Так ты обожди, пока пионеры у нас появятся, приглядишься, какие они вблизи, сойдёшься поближе. Тогда решишь, как захочешь». Отцовская мудрость сразила меня наповал.

Но дожидаться пионеров я не успела: мы с матерью уехали в Ленинград, а мечта о большом и важном деле среди верных друзей осталась. В Ленинграде я не успела даже в школу поступить, как грянула война, а нас с матерью направили в Москву...

Так вот, про Ленинград и школу. Едва мать устроилась на заводе и получила комнату, хотела отдать меня в школу. Стала спрашивать соседей, куда обратиться. Те, уяснив ситуацию, пришли в ужас. Мне бы пора в пятом классе учиться, а я и программы первого не освоила. Сяду за парту с малолетками – засмеют, приду к ровесникам – не пойму ничего. Матери предложили: не отдавай пока в школу. Девочка смыслёная, мы её за год подготовим хотя бы по программе двух-трёх классов, а там будет видно. Мать сказала: «Мне нечем заплатить вам». Она ведь часть денег отправляла мужу и матери, а что-то планировала и накопить. Соседи не успели вежливо ответить, что им ничего не нужно, когда мать, не любившая оставаться в долгу, придумала: «Пусть дочка

помогает по хозяйству кому что нужно. Она расторопная и всё умеет». От такого предложения никто не смог отказаться. А я и не против: мне домашняя работа никогда не была в тягость. Так за год мне соседи мозги вправили – что надо! Получила я начальное образование в полном объеме, а то и поболее.

Вот и не ударила в грязь лицом перед экзаменаторами, поступая в Школу-лабораторию товарища Бродова...

Кроме тех, что давали «тесты», ещё приходили люди, которые часами расспрашивали меня о жизни: о детстве, о Ленинграде, о родных и знакомых, что я люблю, чего терпеть не могу, мы говорили о страхах и мечтах. Много о чём.

Начинал всегда высокий и худощавый черноволосый мужчина по имени Михаил Маркович. Он наводил на меня такое приятное, расслабленное и одновременно бодрое состояние, в котором можешь думать и говорить о чём угодно с лёгкостью, без смущения и опасений. Первое время он всё старался, вводя меня в особенное состояние, заставить выполнять его команды. Но я тут же настораживалась и начинала задавать вопросы: зачем да почему, да как и что именно. Рассказать же о себе – пожалуйста!

Начинал беседу Михаил Маркович, а после подсаживались другие люди и продолжали начатый разговор. Может, иные темы и заставляли меня колебаться, однако, когда не имеешь понятия, какого ответа от тебя хотят, проще выдать правду про реальные события, но при этом по возможности оставить при себе сопутствующие суждения. Так примерно я и действовала по мере собственного разумения.

Отчество Михаила Марковича привело меня к простой догадке. Я стала наблюдать манеру речи гипнотизёра, присматриваться к его внешности и, в конце концов, прямо спросила, не является ли Аглая Марковна его сестрой. Он подтвердил и ровно с той поры больше не пытался меня гипнотизировать. Зато в состоянии, которое, как я узнала чуть позже, называется «трансом», вводил меня регулярно.

Скоро я научилась входить в транс и без посторонней помощи. По-моему, это очень просто, и мне не понять людей, которые утверждают, что подобного в жизни не испытывали. Я не сумею что-либо объяснить им. Так же человек с развитым музыкальным слухом не может уразуметь, как можно не уловить

верной ноты, и нипочём не объяснит мне, что надо сделать, чтобы пропеть правильно хотя бы элементарную мелодию.

Во время разговоров, и тестов, и других занятий молчаливые девушки в белых халатах частенько подключали ко мне датчики с множеством проводов, а молчаливые мужчины в белых халатах поверх военной формы подсаживались к обширным наклонным столам, густо усыпанным круглыми, квадратными, прямоугольными циферблатами со стрелками и разнообразными шкалами. Огромные агрегаты, расставленные вместо шкафов по стенам просторной комнаты без окон, мерно гудели, медленно ползла широкая бумажная лента, исчерканная свежими кривыми чернильными линиями. Смысла загадочных манипуляций с приборами мне никто не объяснял, результатов – не докладывал.

Но проводились и такие испытания, смысл которых сразу становился очевиден, а результат – ясен. Эти занятия увлекали меня больше всего, и я каждый день ждала с нетерпением новых заданий.

Мне крепко завязывают глаза, просят вытянуть руки вперёд и определить, когда невидимый визави, находящийся на приличном расстоянии, также протянет ко мне раскрытые ладони. Тепло, покалывание, ощущение давления – вот верные признаки – не ошибёшься!

К моим раскрытым ладоням подносят цветную бумагу. Угадай, какой цвет. Руки холодит или греет, покалывает или поглаживает, щекочет... Если я не уверена в цвете, сообщаю свои ощущения. Цветную бумагу подносят к завязанным глазам. В мозгу вспыхивает яркий цветной прямоугольник. Раз, другой, пятый... И вдруг – не вспыхнул, но что-то маячит перед глазами. Оно имеет очертания. Описываю, что «вижу». Оказывается, поднесли предмет, или вырезанную из чёрной бумаги по контуру фигуру.

После каждой пробы мне дают посмотреть на то, что на самом деле находилось передо мной. Это позволяет понять ошибки и учиться считывать информацию более точно. А ещё подсказывают, как будет лучше и сподручнее считать информацию. Такой метод обучения мои экзаменаторы называют между собой «зоной ближайшего развития».

Отвернись и определи, кто вошёл в комнату: мужчина или женщина, в каких летах, в какой одежде.

Посмотри на фотокарточку и скажи: жив или мёртв этот человек, чем болеет, каков род его занятий, перечисли членов его семьи.

Умеешь говорить с мёртвыми? Молодец! Пригласи кого-нибудь из них и попроси ответа на такой-то вопрос... Вопрос, ответа на который сама я уж точно не знаю.

Порой происходило совсем странное.

Кто-нибудь малознакомый – из преподавателей, из отборочной комиссии – будит меня среди ночи, выводит, полусонную, из спальни. Просят вызвать чей-то дух, называя имя. И задают вопросы. Моргая слипающимися глазами и дрожа от холода в накинутом поверх ночнушки халатике, я отвечаю, плохо соображая, о чём говорю. Кажется, в основном от меня ждали предсказаний, а может, вскрытия информации, которая до сих пор оставалась загадкой.

Не похоже, чтобы тогдашнее паломничество сложилось из личных инициатив каждого. Вероятно, то была спланированная систематическая проверка моих возможностей и резервов. Потому что едва не каждую ночь меня поднимали.

А вот совсем другое. Подними руки повыше, раскрой ладони, потянись, будто хочешь обнять Солнце. Видишь золотые лучи, что вливаются в твою голову и тело? Хорошо. Опиши, как они проходят: где свиваются спиралью, где образуют озёра, как меняют цвета, где выходят на волю... Перед тобой человек. Какое свечение окружает его?.. А этот предмет, эта книга имеют свою оболочку-свечение?

Сказать, что выполнение необычных заданий не требовало напряжения? Ещё как требовало! Я прилагала порой такие усилия, что чувствовала себя к концу физически вымотанной. Всё ли удавалось? Не всё. Были и уныние, и отчаяние, и ощущение полной собственной бездарности.

– Прикажи вон тому товарищу за приборной доской почесать левое ухо!

Я бьюсь и так, и этак: и воображаю картинку, и мысленно повторяю как можно твёрже слова приказа. Товарищ не то что не чешется – бровью не ведёт! Не оставят меня в Школе-лаборатории, выгонят за порог!

- Ладно, добейся этого любыми способами, раз уж не силой мысли.

- Не могу!

- Что мешает? Не можешь придумать способ?

- Неловко.

- Что именно?

- Подойти и попросить почесать ухо, потому что у меня задание.

- Другое придумай!

- Подкрасться сзади и пощекотать волоском.

- Так... Приглядишься: ухо-то у товарища горит.

И верно! Покамест о нём шептались, покраснели у товарища уши. А мне с того не легче!..

Но разве возможно остаться равнодушной к таким занятиям? Разве возможно не желать продолжения учёбы в такой школе?!

Ещё на этапе приборных тестов выяснилось, что девочка не просто обладает развитой нейроэнергетикой. Электроэнцефалография подтвердила наличие мощных телепатических задатков, но и это не всё. Оказалось, что новенькая способна сохранять сознательный самоконтроль в достаточно глубоком трансе. Это подтвердилось и в опытах, поставленных без применения спецтехники.

В трансе проверили глубинную память и бессознательные установки, проверили её и психологи своими методами. Все дали заключение о неординарных способностях и личностной надёжности. Медики признали здоровой.

Тогда Николай Иванович принял решение: готовить девочку по особой программе, которая спешно разрабатывалась и корректировалась «на ходу» и по которой до сего момента готовили троих.

Таисии – а девочке спустя неделю проверок присвоили это имя – было назначено готовиться не в операторы слежения и даже не в отряд защиты, а в «операторы поиска». На данный момент у Бродова был только один утверждённый оператор поиска, другие двое всю готовились, но на любом этапе могли быть переведены в другую категорию. Все операторы поиска проходили промежуточную подготовку – как операторы обеспечения.

Недавно Бродов выяснил, что существует и вне стен Лаборатории оператор поиска экстра-класса – мастер с природным даром и колоссальным практическим багажом. Этот человек работал в интересах одного из самых засекреченных управлений Наркомата. Во время консультаций с тамошними специалистами Николай Иванович уловил кое-какие намёки, сопоставил факты и прижал товарищей к стенке: рассказывайте! И ни за что бы те не сознались, и ничего бы ему не поведали, если бы их не обязали оказывать всяческое содействие Лаборатории ВОРК и всем начинаниям товарища Бродова. Не расскажете добром – сами знаете, кому пожалуюсь, – вот что сработало.

Сотрудничество сотрудничеством, но такого «искателя» Николаю Ивановичу не отдадут – это уж кого ни проси. На чужой каравай рот не разевай! Надо с нуля готовить своих. Если таинственного мастера позволят привлечь, чтобы помог Лаборатории развернуть собственный поиск, – и то благо!

Николай Иванович раз за разом пересматривал результаты подготовки операторов поиска, корректировал планы. К каждому требовался глубоко индивидуальный подход, к новенькой – к Тае – в особенности.

Я узнала о том, что вступительные испытания окончены, где-то к концу первой недели или спустя дней десять моего пребывания в Лаборатории.

Нина Анфилофьевна – заместитель по воспитательной работе – очень строго сообщила, что товарищ Бродов вызывает меня в свой кабинет. Было похоже на то, что она хочет напугать меня. Но за время испытаний – самых разнообразных – я усвоила, что голос собственной интуиции заслуживает

внимания и доверия. Интуиция же никакой опасности от похода в кабинет руководителя не предвещала.

В кабинете, помимо Николая Ивановича, сидел Михаил Маркович – главный гипнолог и заместитель начальника по нейроэнергетической работе и учёбе. Товарищ Бродов коротко и внушительно поздравил меня с тем, что я успешно прошла испытания.

– Ты принята в Школу-лабораторию. Теперь слово за тобой. Ты сама хочешь остаться здесь? Подумай и скажи как есть. Без твоего желания тебя никто удерживать не станет.

Этой тирады он мог бы и не произносить. Ещё бы не хотеть остаться! Не помню, что именно я промямлила в ответ, но его восторженная утвердительность не вызывала сомнений.

Тут-то начальники и принялись в моём присутствии выбирать мне новое имя.

После этого Михаил Маркович ушёл, а меня товарищ Бродов ещё не отпустил.

– После экзаменов полагается законный отдых. Завтра до одиннадцати у тебя – свободное время. Ты всё ещё хочешь увидеть немецкий самолёт? Завтра он стоит на площади последний день.

Ну просто день бессмысленных вопросов! Как можно не хотеть увидеть вблизи огромный, чёрный, настоящий сбитый фашистский «юнкерс»?!

– Хочу.

– Хорошо. Вот тебе деньги на метро...

Ура! Я ещё и на метро покатаюсь!

– Надо выйти на станции «Площадь Свердлова». К самолёту стоит большая очередь, помним? Рассчитай, чтобы вернуться не позже одиннадцати. Справишься одна – добраться, вернуться?

– Конечно, справлюсь.

– Попроси у кого-нибудь часики, чтобы не опоздать. Если останется время, посмотришь метро как следует. Но из метро – сразу в Лабораторию. Понимаем?

Как сказать. Задание я поняла: по городу не шляться, на метро туда и обратно – и сразу в подъезд Лаборатории. Я не поняла почему. Не заблудилась бы я, зря он думает. С другой стороны, пока я эту очередь отстою, всё время выйдет.

– Поняла.

– Помним про часики.

Я кивнула, и меня отпустили.

В тот же вечер Нина Анфилофьевна вручила мне знакомый плетёный короб.

– Вот. Мать собрала твои вещи, чтоб ты тут одну кофтёнку до дыр не проносила. Передала для тебя через нашего сотрудника.

– Она сама не придёт? – удивилась я.

– Ты подумай! – назидательно призвала Нина Анфилофьевна. – Ты к ней можешь пойти вечером? Нет: отбой. А она как может? С утра до вечера она работает. И у тебя занятия.

– Тут же близко, – робко возразила я.

Я спросила прямо, до которого часа мать работает. Я бы сходила к ней и вечером: не боюсь тёмных улиц. Но зам по воспитанию возразила: та квартира, куда нас привезли вначале, была, оказывается, служебной, вроде гостиницы, теперь же матери дали жильё гораздо дальше. Кроме того, для всех введена трудовая повинность – рытьё окопов на дальних подступах к Москве. Три часа после основной работы надо рыть, а ещё ведь занимает время дорога туда и оттуда. Получается, время остаётся только поспать.

Настоящее замешательство я испытала, когда выяснилось, что в чемодане нет записки. Мать ведь была грамотная, но читала по слогам, а писала печатными буквами. Если б она сильно спешила, то не успела бы написать: выводила-то она слова медленно. Однако вещи были сложены даже аккуратнее, чем она обычно укладывает. Так какая ж спешка? Пришлось побеспокоить Нину Анфилофьевну: вдруг та забыла передать мне записку?

– Наш сотрудник заехал к ней перед работой. Он спешил, она торопилась. Опоздать – преступление. Вещи она подготовила раньше: всё собиралась сама к нам сюда, но выходных нынче нет. Она передала тебе... привет.

На том я и успокоилась.

Ох, часики – это самое сложное. У кого ж их попросить, если я тут со всеми знакома только неделю? Кто даст?

Постоянно в здании Лаборатории жили Женя и Лида – они, как и я с этого дня, учатся на операторов, а также медсестры-лаборантки Катя и Серафима. Девушки – дежурные операторы – приходили не каждый раз, спали не долго и покидали комнату так же тихо, как пришли. Они работали сутки, сменяясь по три часа, а потом уходили домой – отдыхать как следует.

Девушки не подтрунивали над моей безымянностью, но необходимость как-то обращаться ко мне вызвала затруднения и создавала напряжение. Мне смущённо говорили: «девочка», «новенькая» или просто «ты». Из-за неловкости девчонки старались делать это как можно реже, потому и общение у нас не очень клеилось. Да и заняты все были дни напролёт – особо не до разговоров.

Теперь же надо у кого-то выклянчить такую ценную вещь, как ручные часики. Со стыда сгоришь!

Но без часов я, чего доброго, не выполню требования руководителя – не вернусь вовремя.

Из всех новых знакомых наиболее внимательно и сочувственно отнеслась ко мне Лида – высокая девушка с кудрявыми русыми волосами, круглым миловидным

лицом и весёлыми серыми глазами. Лида вроде как взяла надо мной шефство: чтобы я знала местные порядки, ориентировалась в непростой географии здания, получила представление, кто есть кто в Лаборатории, и чтобы была в курсе военных сводок, даже когда за день не доводилось послушать ни одной. Лида принесла мне из библиотеки книги, чтобы я могла, как все, читать по вечерам: это увлечение у нас было повальным.

К Лиде-то я и подошла с неубедительным объяснением, что товарищ Бродов отпустил меня на завтрашнее утро, но дал задание разжиться часами, чтобы вернулась к назначенному сроку. У Лиды наручные часики были, она не снимала их даже на ночь.

– Товарищ Бродов дал задание? – переспросила Лида, загадочно повела бровью и со вздохом принялась расстёгивать ремешок своих часиков. – Держи. Только аккуратно, ладно? Мне папа их подарил на пятнадцатилетие.

Я прониклась двойной ценностью этого маленького механизма. Грустно вздохнула, оттого что подумала о своём отце. Лида сама завела часы и сама застегнула их на моём запястье.

Вечером я так никому и не сказала, что у меня теперь тоже появилось имя: сама ещё не освоилась с этой новостью и не принимала её всерьёз.

Ночью я сбилась со счёта, сколько раз объявлялась воздушная тревога. Судя по работе наших орудий и по звукам разрывов, налёты опять были массированные.

Утром, когда все ещё спали глубоким сном, меня разбудило аккуратное, но решительное прикосновение к плечу. Нина Анфилофьевна!

– Быстро вставай и собирайся: товарищ Бродов ждёт тебя!

Я забеспокоилась: не случилось ли чего? Что плохого и непосредственно меня касающегося могло случиться в течение тревожной ночи, не хотелось додумывать.

Товарищ Бродов ожидал меня у входной двери. Впервые я видела начальника в форме и фуражке. Никакого впечатления. Тем более что мысли мои были заняты

другим вопросом. Только орден Красной Звезды на его груди не мог не притянуть взгляд. А на гражданском пиджаке он ордена не носит – странно! Николай Иванович, видимо, оценил с первого взгляда на моё заспанное лицо всю глубину моей тревоги.

– Сейчас едешь со мной, – сказал начальник с подчёркнуто ободряющей интонацией. – Самолёт в силе. Я завезу тебя на автомобиле.

У меня с души камень свалился.

Теперь я попыталась сориентироваться в изменившейся ситуации. На автомобиле я уже проехала однажды. Приятно, конечно. Но в метро-то я не была ни разу!

– Метро тоже в силе, – прочёл Николай Иванович мои немудрёные мысли. – Я потом – в Кремль: дела. А ты катайся на метро сколько хочешь. Сколько успеешь. Хорошо?

Как часто в жизни приходится отвечать на риторические вопросы! Не нахожу в этом смысла, но приходится – из вежливости.

– Хорошо, – покладисто повторила я.

После особенно интенсивных налётов Бродов по заведённой им самим традиции отправлялся в Кремль – участвовать в разборе ночной работы созданного им в первые же дни войны отряда нейроэнергетической защиты.

Отряд действовал в первую очередь в целях защиты Кремля, вторым рубежом защиты определили центр столицы в пределах Садового кольца, а также старались прикрыть Москву целиком, но не всегда хватало возможностей.

Отряд защиты и группа операторов слежения, сидевшая на Гоголевском, имели совершенно разные задачи и работали разными методами.

Операторы слежения – большей частью молодые женщины, наделённые тонкой сверхчувствительностью, – сканировали пространство на предмет попыток

нейроэнергетического воздействия разного рода на советское руководство, высший комсостав и на граждан в массе. При обнаружении угрозы передавали дело в руки шаманов.

Шаманов – всего трое. Больше пока не удалось подобрать сотрудников с нужными характеристиками: чтобы был убеждённый советский человек, современный – с широким кругозором, пониманием политической ситуации, грамотный, не чурающийся технического прогресса, но при этом – потомственный шаман с выраженными способностями. Подошли бы и русские знахари с ведунами, да те ещё при царском прижиме научились таиться. Шаманов же начали прижимать относительно недавно, и они ещё не привыкли скрывать свой дар и род занятий от посторонних. Делалось всё, как обычно, в спешке, и поэтому искали среди тех, кого проще найти.

Шаман специализируется на нейроэнергетических атаках и контратаках. Мистики и эзотерики называют нейроэнергетику «тонким планом». А вот грубой физической силе требуется противодействие иного рода. Специалисты Лаборатории говорили, что тут, как ни парадоксально, вступают в действие ещё более «тонкие» энергии, но обладающие колоссальной силой. Человек не порождает их. Человек не берёт их ни из себя самого, ни от артефактов, ни от духов или душ умерших. Такого рода «тонкие» энергии, называвшиеся на жаргоне специалистов Лаборатории Великими, пребывают вечно и бесконечно в окружающем пространстве, и человек может управлять ими, только если его разум и чувства находятся в состоянии покоя и равновесия, а намерения лишены корысти.

Сотрудников Лаборатории, способных успешно и стабильно работать с Великими энергиями, Бродов и собрал в отряд защиты. Отряд усилили группой священнослужителей мировых религий. Мало кто станет возражать против участия в святом деле – молитве о защите сердца собственной Родины. Но кандидатов серьёзно проверяли: чтобы молитва каждого действительно включала Великие энергии в контур защиты Кремля и города и чтобы умели договариваться, не тянули одеяло на себя. Дело наладилось, и молитвы зазвучали стройным энергетическим многоголосием.

Все бойцы отряда нейроэнергетической защиты Кремля, пройдя соответствующие проверки, получили звания младшего комсостава НКВД.

Отряд, слаженно работая, создавал защитные поля. Защитное поле незримым куполом накрывает оберегаемый объект и срабатывает всегда в соответствии с грубо-материальной обстановкой: либо притянет сплошную облачность, либо остановит непредсказуемым способом людей, отдающих и исполняющих приказы, либо, на худой конец, бомба в четверть тонны весом упадёт, пробыёт перекрытия здания, да не взорвётся...

Вопрос от Главного Куратора товарищу Бродову после того, как бомба застряла в перекрытиях кремлёвского дворца: «Следует наградить вас за то, что она не взорвалась, или наказать за то, что она попала в Кремль?» А другая – был случай – взорвалась, но не принесла крупных разрушений. А ещё одна упала во двор, ничего не порушила, но убила на месте много военнослужащих. Критериев объективной оценки надёжности работы с Великими энергиями не было. Как Главный Куратор, так и начальник Лаборатории это понимали, но пришли к единому мнению: пусть товарищи дальше работают!..

Каждую ошибку и крупную неудачу отряда разбирали особенно внимательно, чтобы в дальнейшем действовать более успешно. Кроме того, Бродов считал необходимым проводить разбор после каждого налёта. Понятно, что защита создавалась и поддерживалась постоянно, однако во время атак вражеской авиации она подвергалась реальной проверке на прочность. После особенно интенсивных налётов Бродов обязательно участвовал в разборах лично.

Этим утром он, уже одевшись, собравшись и вызвав машину, буквально на пороге внезапно вспомнил о новенькой.

Таисия блестяще сдала вступительные экзамены, но теперь её ждала бесконечная череда скрытых проверок.

Как девочка справится с задачей установления отношений? Не так легко наладить контакт с кем-то, не имея имени. Сумеет ли она, например, обратиться с просьбой и получить желаемое?

А как у неё с умением планировать своё время?

А с дисциплиной? Наружка ни на шаг не выпустит девочку из виду, и станет ясно её отношение к немотивированным приказам руководства.

И тут подворачивается возможность устроить ей ещё одно испытание! Хорошо, что удачная идея своевременно пришла Николаю Ивановичу в голову. И он приказал Нине Анфилофьевне срочно разбудить Таисию.

Невыспавшаяся, но бодрая, я вслед за товарищем Бродовым вышла в предосеннюю прохладную тишину едва брезжившего утра. Далеко, за площадью, за котлованом будущего Дворца Советов, переливалось тёмно-огненное зарево, увенчанное клубами чёрного дыма, ещё такая же дымно-огненная корона – далёкая, но оттого не менее страшная – поднималась над крышами домов за бульваром. Я не впервые видела зарева пожаров, возникших после бомбёжки. Они уже не поражали воображения, а только огорчали и вызывали сочувствие к пострадавшим.

К странной двойственности чувств подвела война – и не меня одну: ты можешь быть полна сострадания – и одновременно радоваться от души, что сейчас исполнится твоё желание...

Не больше десяти минут мы ехали до площади Свердлова, но за это время утро уже полностью вступило в права. Большой театр, разрисованный под два неказистых особняка, не производил цельного впечатления, как и при первом знакомстве – даже если приглядываться. Посреди площади, как и неделю назад, толпились люди, стояли военные оцеплением, а за их спинами высились крыло и пропеллеры самолёта.

– Мы опоздали: люди уже собираются! – заметил Николай Иванович. – Ну ничего. Идём.

Он подвёл меня вплотную к оцеплению и нашёл командира. Тот встал по стойке смирно перед товарищем Бродовым, взял под козырёк. Николай Иванович протянул ему свою «корочку», и нас пропустили за ограждение.

Первое впечатление: самолёт ещё огромнее, чем казался мне издали!

– Ты можешь его потрогать, – подсказал Николай Иванович.

Я прижала ладонь к крылу. Мы оказались с той стороны, с которой самолёт остался целым. С другой стороны фонарь кабины был разбит, а фюзеляж частично разворочен снарядами. Видимо, лётчик был ранен и успел посадить машину, иначе от неё бы мало что осталось. Теперь я догадалась, зачем руководитель добился для меня разрешения подойти вплотную к самолёту и потрогать его: «Почувствуй его, фашиста, прощупай!» – будто приказал товарищ Бродов. Мне и самой было интересно сделать это, хоть и противно, особенно сначала.

Холодный, бесстрастный металл, разрушительная мощь. Даже теперь, поверженный, он хранил цель, под которую был заточен, словно меч: убивать... Ярость погибающего пилота. Точно! Лётчик сумел посадить машину, уже погибая от смертельной раны... Сомнений не было: эта машина за свой недолгий век успешно поразила немало целей. Мёртвые обступили её со всех сторон. Они держали незримыми нитями немецкого лётчика, и он не имел возможности подняться в небо, к чему очень стремился.

Погибшие тихонько заговорили со мной, рассказывая свои истории.

Я неуверенно взглянула на Николая Ивановича, не зная, стоит ли тратить время на то, что мне сейчас чудится. Совсем недавно я считала такие вещи плодами своей собственной фантазии. Имею ли я право задержаться тут дольше? Мой провожатый ободряюще кивнул: мол, смотри, действуй, учись – для того мы здесь.

Я прислушалась к рассказам погибших. Они обрадовались, что появился человек, способный их слышать, и говорили все одновременно. Кто-то не родился. Кто-то переживал об оставшемся в живых, но совсем беспомощном близком человеке. Кто-то пришёл в эту жизнь с определённой задачей, и вот, она осталась невыполненной. То один обрывок судьбы касался сознания, то другой. Кто-то был поглощён ужасом. Умиравшие в мучениях ещё продолжали проживать свою боль. Был несчастный – потерянный, сбитый с толку, который до сих пор не понял, что уже мёртв...

Лётчик не испытывал раскаяния – только холодная ярость владела им. Я чувствовала, как мёртвым тяжело держать его, как им тоже хочется уйти вверх. Я знала, что в моих силах сделать это, и осторожно предложила им отдать нити мне.

Большинство сделали это с радостью, другие отпускали своего убийцу тяжело, но я твёрдо пообещала, что он не останется безнаказанным...

Просто мы не однажды проделывали нечто подобное у Аглаи Марковны, и у меня получалось. Но тогда я считала все эти спиритические сеансы лишь игрой, развлечением...

Довольно скоро все нити оказались в моих руках. Погибшие ушли, поблагодарив меня. Я осталась наедине с пилотом. Я уже приготовилась проделать тот простой фокус, который освоила у Аглаи Марковны, но тут фашист вдруг истово воззвал к чьей-то помощи. Он искренно верил, что взлетит, если победит меня.

Явилось высоченное существо, окутанное холодным тусклым светом, будто отражённым от его доспехов. Тёмный провал лица был обрамлён длинными светлыми локонами, которые картинно развевались. Существо не пыталось ни договориться, ни угрожать. Оно сразу подняло надо мной огромный меч тёмного металла, изготавливаясь к нешуточному удару...

Глаз я с самого начала не закрыла: мне, как правило, удобнее работать с открытыми. Я видела стоявших рядом военных, которые уже косились в мою сторону с удивлением: что эта девочка так долго и неподвижно стоит у крыла? Видела прохожих, пришедших в такую рань после бессонной тревожной ночи специально для того, чтобы порадоваться победе над вражеским самолётом. Николая Ивановича, который в сторонке спокойно беседовал с командиром, отвечавшим за охрану объекта.

Если я уклонюсь, мысленно конечно, от удара, меч падёт на кого-то из присутствующих людей. Из глубин памяти пришло решение. Я приподняла руку и мелко, совсем незаметно трижды перекрестила вызванного лётчиком духа. Именно так, мелко и ненавязчиво, бабушка крестила меня в детстве, если я прибежала к ней в слезах после страшного сна, – и ужас сразу проходил. Так бабушка перекрестила меня перед отъездом в Ленинград...

Белокурый меченосец отпрянул и порядком поблёл, а я, не дожидаясь нового нападения, быстро проделала трюк Аглаи Марковны: резко бросила концы всех нитей, что связывали фашиста, на землю. Большинство тел от загубленных им жизнью уже преданы земле. Души людей окончательно покинули бранные останки и отпустили пилота, но, нажимая гашетку бомбометания, он всякий раз

заявлял права на их тела. Так получай же! Все эти останки ещё долго не истлеют!

Нити тяжело обвисли, будто мокрые верёвки. Фашист стоял растерянный и ещё не понимал, что же мешает ему подняться. Дальнейшее меня не касалось и имело отношение лишь к его судьбе. Велика вероятность, что земля будет держать его так же долго и крепко, как она держит тела убитых им людей. Я щёлкнула большим и безымянным пальцами одновременно обеих рук, чтобы очистить их от чужих энергий, и обернулась к своему провожатому. Мы быстро вышли из круга любопытствующих.

- Какие впечатления? - поинтересовался товарищ Бродов.

- У них совсем другая энергетика, у фашистов. Такая холодная и цельная, - ответила я и вернулась к самому поразительному для меня открытию: - Я не представляла, что самолёты такие огромные!

Руководитель вскользь улыбнулся моему последнему замечанию и деловито осведомился:

- Сможешь с ними работать, с немцами, с этой их другой энергетикой, будь она проклята?

Да я уже поработала.

- Смогу.

Я пребывала в лёгкой эйфории от своей первой крошечной победы над врагом - хоть и мёртвым уже, но, как я теперь понимала, вполне реальным. Новые впечатления от самостоятельно проведённого сеанса переполняли сознание. Очень хотелось поделиться, но Николай Иванович велел:

- Сохрани в памяти всё, что произошло. Когда вернёшься, расскажешь специалистам. Ты уже знакома с Ольгой Семёновной? Хорошо. А со Степаном?.. Что ж, пора познакомиться; я дам указание.

На обратном пути, в метро, обходя вестибюли и станции, глаза по сторонам и даже рискнув совершить пересадку с одной линии на другую, я вошла в состояние, похожее на транс, и потеряла счёт времени. Метро казалось мне самым красивым и просторным, самым уютным и надёжным, самым спокойным местом в городе. Всё же предохранительные механизмы вовремя сработали, я очнулась, поглядела на часы и успела, не запыхавшись, вернуться к назначенному руководителем сроку. Вернулась со зрелым решением: я хочу стать полноценным членом коллектива Лаборатории. Сегодня вечером я назову девчонкам своё новое имя.

Впоследствии, когда я рассказала в подробностях нашим специалистам всё, что произошло со мной у самолёта, меня похвалили. Потом было совещание с участием начальства – и мне категорически запретили в дальнейшем упокаивать мёртвых! Сказали: их лавина, ты утонешь, надо делать то, что спасёт жизни, и делать – в полную силу.

Постепенно я, как и хотела, ближе сошлась с девушками, которые также работали и учились в Школе-лаборатории. Женю и Лиду обучали на операторов по особой программе, как и меня. Ещё учился Игорь – крупный, полноватый парень на год старше меня. Но тот много о себе воображал и ни с кем особо не сходилась.

Мы четверо готовились стать операторами поиска. Девчонки не могли толком разъяснить мне, что это значило. Девушки с первого этажа – операторы слежения. Было понятно, что всё их внимание сосредоточено на проникновении чужой, враждебной энергетике в контролируемое пространство. От нас, видимо, потребуется нечто иное, поскольку нам определена задача установить как можно более тесную мысленную связь друг с другом.

Мы ежедневно упражнялись в передаче друг другу мыслеобразов и мыслеформул, мы должны были довести до совершенства точность считывания. Сверх того, поощрялось улавливание спонтанных перемен в настроении и состоянии друг друга. На совместных занятиях нас ненавязчиво подводили к тому, чтобы мы делились впечатлениями от прочитанных книг и когда-либо виденных кинофильмов, узнавали мнение друг друга о событиях и житейских ситуациях. Мы делали всё это не из-под палки: оказалось, что нам действительно интересно общаться, и мы по-настоящему сдружились. Однако к чему нас готовили таким образом, было пока загадкой.

Я предположила, что нас потом забросят в тыл врага, и там телепатия потребуется для связи. Оказалось, девчонкам это уж давно приходило в голову, но они думали, что так было бы слишком просто. Кто ж станет городить огород ради простой разведгруппы? «Всё будет гораздо более сложно», – уверяла Лида. «И необычно», – вторила Женя. Но даже её провидческий дар не рисовал нашего будущего: себе предсказывать всегда в тысячу раз труднее, чем другим.

Игорь оставался в стороне от наших упражнений по мысленному диалогу. Мне кажется, в его подготовке этому тоже уделяли внимание, но его тренировали отдельно.

* * *

Хотя в совершенно секретном названии Школы-лаборатории и присутствовало слово «разведка», в штате ни одного специалиста по внешней разведке, тем более нелегальной, не предусматривалось, пока Школа не перейдёт от экспериментов к масштабной плановой подготовке. Бродову были предоставлены исключительные полномочия привлекать для консультаций и для занятий специалистов из соответствующих управлений. Многочасовые консультации до предела изматывали всех участников, поскольку приходилось искать общий язык и объяснять на пальцах то, что одной из сторон переговоров представлялось очевидным, а другой – неоправданным, абсурдным и ни в какие ворота не лезущим.

Если бы Николаю Ивановичу пришлось обсуждать детали операций с дуболомами из управлений внутренней разведки, на него понаписали бы таких доносов, что и Главный Куратор, лично вникающий во все нюансы деятельности Лаборатории Бродова, бросил бы его на произвол незавидной судьбы. Но с удивительными умницами из внешней разведки удавалось решить множество щекотливых вопросов без лишней идеологической нервотрёпки. Однако же и те иной раз считали вольности экспериментального подхода неприемлемыми.

– Так. Они у вас комсомольцы?

– Нет.

- Неужели ещё в пионерах ходят?! Это не дело. Надо досрочно принять в комсомол, раз уж в партию совсем рано.

- Они и пионерами никогда не были. Только старшая девушка, Лида.

- Вы собираетесь таких людей... Это невозможно! А дисциплина, а ответственность? Человек должен состоять в организации, подчиняться решениям организации, выполнять поручения, приказы. А ответственность перед товарищами, гордость, наконец? Чувство причастности. Это ключевой момент! У нас нет ни одного беспартийного разведчика. За исключением членов комсомола – и то редкость. Надо срочно решать вопрос, пока ещё есть хоть сколько-то времени...

- Им нельзя вступать в комсомол.

- То есть?

- Эгрегор.

- ???

- Принадлежность к эгрегору легко считывается.

- Что такое эгрегор?!

- Общее поле... общая энергетика, присущая членам одной организации. Чем мощнее организация, чем четче её структура, чем больше человек дорожит причастностью к ней, тем более заметный энергетический отпечаток лежит на его личном информационном поле. Человек с хорошо простроенной организационной дисциплиной сразу вызывает вопросы: откуда? как?

- Допустим. Но в «Аненербе» не первого человека внедряем. Вы сами участвовали. Человек успешно работает, а он – член партии, как вы отлично знаете.

- Да. Со стажем. С опытом нелегальной работы, ещё коминтерновским. Его специально готовили, чтобы он успешно скрывал принадлежность к ряду

эгрегоров. Кроме того, он внедрён как технический специалист, а не оккультист. Оккультисты не обращают на него внимания.

- Слово-то какое - «эгрегор»... Будто с подвохом. Будто что-то гадкое хотели сказать.

- Хорошо! Вот!! Руки за спину, вяжите, ведите меня куда следует!!!

- Ладно, Николай Иванович, не злись: пошутили и забыли.

- Да ну сил уже нет!.. Слово иностранного происхождения. У нас аналогов нет. Что есть - тем пользуемся... К делу. Верно сказал: ребята будут гордиться, переживать эту свою причастность. Девочка определённо не скроет.

- Вы не научили ребят работать лицом?

- Гораздо больше: учим работать эмоциями. Не скрывать их, а использовать, понимаем? Но принадлежность к эгрегору - совсем другое. Это энергетическая печать. Штамп. «Аненербе» набита долбо... делами, но есть и специалисты высочайшего уровня. Внедрить юного комсомольца - это всё равно что отправить его прямо с комсомольским билетом в кармане.

- Убедили, Николай Иванович. Но как тогда с дисциплиной, с ответственностью?

- Детдом, знаете ли, тоже школа жизни в организации, ещё какая! Что ж вы думаете, мы не проверяем их? Уж в этом мы тоже специалисты. И наблюдаем, и проверяем, и тестируем, и сканируем.

- Сканируете?

- Пощадите, товарищи! Я же раньше объяснял!

- Верно, объясняли. Помним. Простите. Теперь о другом. С Игорем - отдельная история. Про Евгению. Вы успели обучить девочку вербовать агентов? Справились без нас?

- Ей не нужно. Она должна добывать информацию сама.

– Типичное ошибочное суждение непрофессионала, уж простите, Николай Иванович! Притча: однажды чертёжника внедрили в закрытое КБ, и тот сумел скопировать каждый из сделанных им чертежей. Вопрос: много ли секретов добыл чертёжник?

– «Аненербе» – не КБ, и Женя не чертёжник. Всё, чему её будут обучать – ценная информация, – буквально всё. Всё, в чём она будет участвовать, – информация. Работа творческая, специалисты штучные. Посоветоваться с коллегами, расспросить о секретах мастерства – не грех, не преступление. Наоборот: рвение, молодец! Обзаведётся друзьями-приятелями, ухажёрами – будет ещё больше данных. Не забывайте: мы не ставим узких задач. У нас же всё-таки стратегическая разведка.

Тут Николай Иванович лукавил: конкретные задачи стояли. Какие успехи у фашистов в поисках древних артефактов и кладов? И какие у них новейшие методики нейроэнергетической работы, помимо старых добрых оккультных приёмов? Бродов подлинные цели не раскрывал, а умные нелегальщики делали вид, что верят: излишняя осведомлённость им ни к чему! Ещё более размывая информацию, Николай Иванович добавил:

– Появится выход на оперативный материал – решим, как действовать...

Кроткий вздох в ответ.

Все участники разговора понимали: до войны, пока в Германии работали мощные резидентуры под прикрытием, ни у кого не возникало проблем с определением задач и добыванием секретов, работа осуществлялась через многочисленных агентов. Уж в «Аненербе» любителей похвалиться успехами научных и псевдонаучных изысканий хватало! Теперь в стране остались одни нелегалы. Им страшно трудно, их работа – ежедневный адский риск. Понятно, все брошены на добывание информации, которая наверняка поможет в ведении войны. Им не до стратегических перспективных разработок и не до сомнительных прожектов учёных из «Аненербе». А тем не менее чем чёрт не шутит: может быть, именно тут родится или будет найдена у древних прорывная технология, способная изменить весь ход великой битвы? Решение: внедрить своего человека в организацию, в самую гущу исследований, и создать для него удобный канал связи, не имеющий отношения к существующим нелегальным резидентурам.

– Говорите, Николай Иванович, друзья-приятели расскажут чего. Ухажёры. Значит, всё-таки будет привлекать агентов. Втёмную.

– Значит, будет. Тут вам виднее.

– Хорошо. Тогда вот что надо будет включить в план обучения... Потом вернёмся к этому вопросу. Я пометил для себя... Не знаю, времени надо несколько лет, чтобы как следует подготовить. Она бы как раз ещё повзрослела за это время.

– Несколько лет у нас нет. Весь смысл в том, что девочка ещё не совсем выросла. На это расчёт. Но мои ребята по психическому развитию взрослее иных, кому по паспорту много больше. И то надо спешить: Евгения очень быстро меняется внешне, скоро окончательно превратится из подростка в девушку – и будет поздно! Девчонка талантлива, схватывает на лету.

– А мы, по-вашему, бездарей, что ли, готовим? Три года – это минимум минимумом. Неужели не жалко, если провалится по-глупому?

– Жалко. Мы с вами здесь тем и заняты, чтобы исключить такую возможность.

– Исключить! Если провалится – потянет за собой...

– Кого там потянет? Связник и радист будут задействованы не систематически. Мы создаём другой канал связи в качестве основного. Я обрисовывал в целом. Когда завершим разработку, обязательно с вами вернёмся к этому вопросу, обсудим детально...

– Всё у вас не как у людей. Всё с ног на голову. Прямо голова кругом. А Игорь-то. Если Игоря вашего потянет?

– Во-первых, вероятность скорой встречи с Игорем после внедрения не высока...

– Так нельзя. Мы не имеем права исключать маловероятных событий!

– Согласен. На случай провала у нас предусмотрена формула самоликвидации.

– Любопытно! Поподробнее хотелось бы. Как делается, как действует, какие преимущества? Вдруг и нам пригодится!

– Товарищи, поподробнее – пожалуйста. Разработка наша собственная, самостоятельная, в целом перспективная. Но на данном этапе вам вряд ли пригодится. У вас есть прекрасные ампулы с ядом. А для постановки формулы нужна натура тонкой организации, чувствительная, нужна способность входить в глубокое трансовое состояние.

– Трансовое, говорите?..

Так – изнурительными часами, дни напролёт. Когда в консультациях наступал перерыв, голова, набитая бессчётными вопросами и заботами, разламывалась на части.

Николай Иванович снял трубку внутреннего телефона.

– Нина Анфилофьевна, девчонки ещё не легли?

Проформа. Он отлично знал, что старшие не ложатся в такое время. Младшим – Игорю и Тасе – уже положено быть в кроватях, но и те не спят: читают, разговаривают со старшими. Всё равно потом начнётся воздушная тревога, и нужно будет спускаться в подвал.

Великолепный каменный подвал старого особняка – бомбоубежище не хуже метро! Там удалось оборудовать комфортную спальню для девушек, небольшую комнату отдыха с плиткой, буфетом и спальными местами, где могут прикорнуть мужчины, а ещё – полноценный санузел. Всем хватает места: и ученикам школы, и дежурным операторам, и дежурным медикам, и техперсоналу. В подвале такие своды, под которыми не очень слышно даже зенитки.

Правда, самые чувствительные операторы жаловались, что отрезаны и от информации, и от энергии, и просились в метро: там, мол, энергетические потоки не пресекаются. Ну да ничего, потерпят. Зато высыплются как следует.

Сам Николай Иванович, который в последнее время, как правило, оставался ночевать на работе, не видя смысла тратить время на дорогу до квартиры и обратно, предпочитал спать на диване в своём кабинете. На первом этаже работают дежурные операторы. Они не должны покидать рабочее место даже во время авианалётов. Особенно во время авианалётов! Пост охраны на входе тоже не снимается. Начальник – всё равно что капитан корабля: не имеет он права умотать в безопасное место, пока его подчинённые остаются в опасности. Кроме того, душновато, на его вкус, в подвале, хотя и прохладно.

«Тонкую» защиту особняк на Гоголевском имеет. Не Кремль, конечно, но операторы слежения и шаманы тоже умеют создавать защитные покровы из «тонких» энергий.

– Попросите Лиду или Евгению зайти ко мне.

Он мысленно подобрался. Сейчас начнётся спектакль! Он делал и будет продолжать делать то, что считает нужным, но приходится постоянно учитывать повышенное внимание Нины Анфилофьевны ко всем его действиям.

– Прихворнули, Николай Иванович? – Из старой переносницы вытряхнулось несколько крупинок яда.

Николай Иванович вздохнул и доверительно ответил чистую правду:

– Голова прямо раскалывается. Таблетку принял – мёртвому припарка. Пусть девчонки на мне потренируются. Одна польза, верно же?

– Я сейчас скажу им. Пусть сами решают, кому сегодня идти к вам.

Новая порция яда перемешалась с изрядной долей сомнения, если не сочувствия: вдруг этот товарищ Бродов всё же не врёт, может, он и не извращенец, а у него правда голова болит?

Открытость намерений, полное отсутствие секретности в личной жизни... Откровенность во всём, что не касалось государственной тайны, была надёжным оберегом Бродова от любого дурного взгляда сверху. И давалась-то она ему довольно легко: он искренно полагал, что скрывать ему нечего и незачем. Лично

с Ниной Анфилофьевной откровенничать, может, и не тянуло, но она назначена глазами и ушами – что ж, так к ней и следует относиться: как к передающему устройству.

Вторым оберегом Николая Ивановича было его подлинное равнодушие к власти. Ему, безусловно, нравилось иметь большие полномочия, но лишь постольку, поскольку они помогали делать дело и добиваться результата. Да, он умело и без напряжения управлял людьми, но опять-таки всегда – ради интересов дела. Была ли у него своя корысть? Разумеется! Он всегда занимался тем, что действительно увлекало его. И его очень устраивало, что высокую власть – работу скучную и опасную одновременно – взяли на себя другие.

Неподдельное увлечение своей работой и предельная открытость намерений и действий составляли принципиальное отличие Бродова от тех его коллег, которые, зарвавшись, поверили в собственное могущество, погнались за призрачной возможностью всех перехитрить и переиграть... и большинства из которых уже не осталось в живых.

– Спасибо, – сухо бросил Николай Иванович вместе с телефонной трубкой. Быть открытым вовсе не означает заискивать перед каждой наушницей.

Он потёр лоб, поднялся из-за стола и переставил своё рабочее кресло таким образом, чтобы оно оказалось на пустом квадрате ковра посреди кабинета. Так девчонкам удобнее работать: ходить вокруг «пациента», прищёпывая, махать руками по мере необходимости и делать всё остальное, чему научила их целительница...

Целительница была мощная. Она была одной из тех немногих, кого Бродову удалось спасти после разгрома лаборатории Барченко. И к ней впоследствии у Бродова лично претензий не возникло. О том, что взял двоих других, он очень скоро пожалел: они принялись по привычке плести интриги и бороться за влияние, тайно и явно пытались пойти поперёк тех принципов, на которых Николай Иванович создавал новый коллектив. В конце концов он сделал то, чего всеми силами старался избежать: сам отдал приказ на ликвидацию. С целительницей вышла другая история, но тоже трагическая. Она не прошла повторной проверки, которую проводили товарищи из внутренней безопасности: обнаружили какие-то там сомнительные дружеские связи. Тут уж приказ отдавал не Бродов, но от этого было не намного легче...

А ещё середина комнаты отлично просматривается в замочную скважину. Старая перечница должна, как обычно, получить возможность видеть, чем там занимается начальник с юными ученицами Школы-лаборатории. И ведь много раз уже видела, но её это не убеждает. Должно быть, сама в оны дни не чуждалась запретных удовольствий, если маниакально подозревает в стремлении к ним других людей.

В действительности всё было куда невиннее. Николай Иванович придерживался стойкого убеждения, что операторов необходимо готовить и постоянно развивать как универсальных специалистов. Особенно операторов поиска. Чем больше они знают, чем шире спектр их умений, тем успешнее будут выполнять поставленные задачи. Надо тренировать их, в том числе на нейроэнергетические воздействия любого рода, пусть и кажется, будто иные из них, такие как целительство, далеки от боевых задач подразделения.

Девчонки любили полечить начальника. Они бы рады полечить любого, кто попадётся под руку, да кто попадётся, если вся группа Бродова состоит из молодых и здоровых, кроме него самого, да пары профессоров медицины, которые нипочём не доверятся «шарлатанству». А Николай Иванович верил в способности и возможности своих подопечных больше, чем в академическую медицину.

Как только в Москву стали поступать раненые, Лида и Женя попросили начальника разрешить им вечерами помогать в госпитале. «Мы будем лечить нашими методами. Никто не заметит, обещаем!» Идея была вроде бы и неплоха. Николай Иванович не находил причины отказать. От того, чтобы дать добро сразу, его останавливала только привычка перед принятием решения собирать информацию и просчитывать варианты.

Девчонки стали его тормозить, и он чуть было не уступил уже их просьбам, как вдруг пришла новая информация: в войсках – вспышка тифа! Заболевших везут в том числе и в Москву... Как ни верил он в целительские способности своих подопечных, но не был готов разрешить их оттачивать в смертельно опасных условиях, вроде вспышки тифа. Пришло удачное решение: «Сначала выучитесь на медсестёр, тогда идите в госпиталь. Будет квалификация – сможете оказывать помощь эффективнее»...

Жена Бродова в двадцать пятом умерла от всего лишь паратифа. Вроде шла на поправку, но организм, так и не восстановившийся полностью после тех трёх-

четырёх лет, что они вдвоём жили впроголодь и зябли, не вынес нового испытания.

Вряд ли верно будет сказать, что они с женой любили друг друга, бурные страсти были чужды обоим, но между ними существовало отличное взаимопонимание и взаимное уважение. И лишь спустя много лет пришло осознание, каким уникальным существом была покойная Танюша. Другие женщины ждали то взрывов страсти, то яркой игры эмоций, то удовлетворения своей корысти. То есть всего того, чего Бродов не умел и не желал вносить в отношения. Оказалось, что тихая, понятливая, покладистая Танюша была вовсе не правилом, а исключением, что ему просто так вот повезло в начале жизни, но, увы, ненадолго.

К двадцать пятому Бродов имел уже пять лет партийного стажа и приличную должность; о послереволюционном голоде давно не вспоминали. Тем страшнее была нелепость: что человек уходит ни с того ни с сего, посреди установившегося наконец благополучия. Для Николая Ивановича это стало тогда неожиданно сильным ударом. Правда, долго унывать не пришлось: парт-призыв в ряды Красной армии, учёба в военной академии, а дальше – Генштаб туго закрутили его жизнь совершенно новой спиралью...

Послышались лёгкие торопливые шаги в коридоре, и Николай Иванович усмехнулся: вдвоём прибежали. На душе полегчало. Дверь кабинета только приоткрылась, а головная боль уже начала стихать.

Несмотря на напряжённый график занятий, мы с девчонками успевали в обеденный перерыв выскочить погулять. У девчонок были свободны вечера, и они ходили учиться в школу медсестёр. Я же опять всех догоняла, поэтому занималась и по вечерам, а на ночь до самого отбоя с наслаждением читала книги, мир которых впервые открылся мне. Само собой – приключения. Помимо специальных предметов, мы осваивали и программу общеобразовательной школы. Старшие девушки хотели сами заниматься со мной, но Николай Иванович был категорически против, поэтому меня, как и старших, обучали, что называется, на дому настоящие учителя. Товарищ Бродов поставил задачу: каждому в свой срок окончить экстерном десятилетку.

Днём в перерыве мы бегали вместе – то купить что-нибудь в галантерейной или керосиновой лавке, то в магазине по карточкам. Иногда мы просто прогуливались по бульвару, по площади. Однажды прямо рядом с нами по площади провели огромный аэростат. Его буксировали девушки в форме, на вид – не старше Лиды. Мы трое с завистью переглянулись. Наша работа не хуже, но держать в собственных руках летучую машину – кому не хотелось бы?! Девчонки устроили мне экскурсию к исполинскому котловану будущего Дворца Советов – незабываемое впечатление! – и к реке, заставленной ближе к Кремлю маскировочными баржами. Другой раз добежали до музея имени Пушкина. На более длительные прогулки времени совсем не было из-за напряжённого расписания занятий.

Однажды Лида позвала меня с собой сходить на почту: она отправляла письмо родителям. Она сказала, что письма худо-бедно доходят, хотя, конечно, военная цензура кое-что из них вымарывает. И тут меня осенило: я должна сама передать матери весточку! Снова обратилась к заместительнице начальника по воспитанию: как бы послать письмо, коли адреса не знаю?

– Что ты собралась писать? – строго спросила Нина Анфилофьевна.

– Как устроилась.

– Нельзя. У нас всё секретно. Как ты устроилась, даже матери не положено знать.

– Я знаю. Я только напишу, что здорова. И спрошу, как её дела.

– Пустое. Мать знает, что ты здорова и у тебя всё хорошо, ей сообщили. И она устроилась хорошо. На секретный завод. Ей тоже нечего тебе сообщить.

Я хотела возразить, что мать должна знать, как поживают отец и бабушка, но вовремя сообразила, что письма нынче идут плохо, и вряд ли мать, написав близким с нового адреса, успела получить ответ. Ещё я бы написала матери про «юнкерс»: ей же тоже интересно! Но разве такое объяснишь Нине Анфилофьевне? Пришлось отступить...

Когда мы с матерью добирались из родной деревни до Ленинграда, то ехали сначала на подводе, потом в кузове грузовика, потом на тракторе, где-то шли пешком, а в город въехали, сидя в вагоне с деревянными лавками, который тащил маленький чёрный паровоз, издававший время от времени пронзительный, протяжный свист. Путешествие заняло целый день, и мы прибыли в город уже затемно. Потому у меня осталось впечатление, что мои родные края расположены очень далеко от Ленинграда.

Слушая тревожные сводки с фронтов, я ни разу не уловила каких-нибудь знакомых названий населённых пунктов. Поэтому мне представлялось, что близкие мои находятся в глубоком тылу. Только теперь, когда я изучаю автомобильную карту Ленинградской области и нахожу райцентр и центральную усадьбу колхоза, я понимаю, что наша деревенька оказалась под немцами ещё в начале сентября.

Отчего я не чувствовала опасности, грозившей родным? С одной стороны, я попала в совершенно новый мир и была слишком увлечена освоением совершенно новой жизни. С другой стороны, подозреваю, что отец и бабушка могли погибнуть ещё во время боёв или быть убиты в первые дни оккупации. Их чистые души не хотели тревожить меня, а тихо стояли где-нибудь рядом, создавая удивительное чувство безопасности и даже счастья в самом сердце охваченной бедой страны. Хорошо, если это было именно так.

А мать? Отчего я не чувствовала, что с ней происходит... что-то... что-то непоправимое... Или это случилось раньше? Или позже?.. Когда мне сказали, что она болела и что её давно уже нет?.. Когда это было?.. В те первые недели новой жизни я была спокойна... Не понимаю... Мутится сознание... Время и события путаются, расплываются... Надо сейчас восстановить в памяти то, что возможно. Всё, что возможно, надо уяснить последовательно и чётко. Позже вернусь к слепым пятнам. Потом...

Как бы то ни было, я безоговорочно верила тому, что мне говорили наставники: сказали, что всё хорошо, значит, нет причин для беспокойства.

В коротеньких перерывах между занятиями, когда на улицу не выйти, я любила постоять в одиночестве у окна, раздвинув синие гардины, любясь бульваром и площадью и мечтая, как однажды отправлюсь гулять по городу на целый день.

Самый лучший вид открывался из углового окна: там кроны деревьев не загораживали площадь, а на переднем плане во всей красе представал верхний вестибюль метро. Я каждый день мечтала о прогулке по кривым переулкам и широким площадям, и как буду стоять прямо под стеной Кремля!

В окно я много раз наблюдала, как в отдалении поднимались аэростаты. Они плавали в небе над городом, подобно сонным сомам в заводи, и можно было представить себе, будто находишься на дне гигантского водоёма, а над тобой – водяная толща. Тем более что осень вовсю вступала в права, погода всё чаще портилась, между небом и землёй повисала промозглая водяная взвесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/ivan_kuznecov/glubokiy-poisk-kniga_1-posvyaschenie

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)